В. Н. ИВАНОВСКІЙ.

ПРЕДМЕТНАЯ СИСТЕМА

ВЪ

НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ

И ЕЯ ПРИМѢНЕНІЕ

КЪ ФИЛОСОФСКИМЪ НАУКАМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1908.

Того же автора:

I. Переводы.

У. Минто. Логика дедуктивная и индуктивная. Переводъ съ англійскаго С. А. Котляревскаго, подъ редакціей Вл. Н. Ивановскаго. -е изданіе. Москва. 1905. Ц. 1 руб. 75 коп. *(Въ серіи „Библіотека ля самообразованія").*

Д. С. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. овый переводъ съ 10 англ. изданія Вл. Н. Ивановскаго. (Два англійкихъ тома въ одномъ русскомъ). Москва. 1900. Ц. 5 руб.

А. Бэнъ. Психологія. Томъ I. Переводъ (Вл. Н. Ивановскаго) одъ редакціей А. С. Бѣлкина. Москва. 1902. Ц. 2 руб. *(Въ ріи „Библіотека для самообразованія").* Томъ II. Переводъ и предиовіе Вл. Н. Ивановскаго. Изданіе М. Н. Прокоповича. М. 1906. . 2 руб. 50 коп.

У. Джемсъ. Психологія въ бесѣдахъ съ учителями. Переводъ л. Н. Ивановскаго. 2-е изд. Москва. 1905. Ц. 50 коп.

Фр. Паульсенъ. Основы этики (1-й томъ System der Ethik). ереводъ съ шестого нѣмецкаго изданія Л. А. Гурладій-Васильевой П. С. Васильева, подъ редакціей Вл. Н. Ивановскаго. Москва. 1907. . 2 р. 40 к.

М. Ферворнъ. Современное міровоззрѣніе и естествознаніе. Пер. . нѣм. Г. П. Денике, подъ ред. Вл. Н. Ивановскаго. Казань. 1906. 30 к.

П. Чаадаевъ. Апологія сумашедшаго. Пер. съ франц. Б. П. Денике С. М. Юрьева, подъ ред. Вл. Н. Ивановскаго. Казань. 1906. Ц. 20 к.

П. Чаадаевъ. Философическія письма. Пер. съ франц. 2-го, 3-го 4-го писемъ Б. П. Денике, подъ ред. Вл. Н. Ивановскаго. Казань. 06. Ц. 75 к.

II. Статьи:

Ложныя вторичныя ощущенія. (Вопросы Фил. и Псих., 1893, 5, стр. 94—108).

Къ вопросу объ апперцепціи. (Тамъ же, 1897, № 1, стр. 70—106).

В. Н. ИВАНОВСКІЙ.

ПРЕДМЕТНАЯ СИСТЕМА

въ

НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ

И ЕЯ ПРИМѢНЕНІЕ

КЪ ФИЛОСОФСКИМЪ НАУКАМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1907.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1907 годъ.

ПРЕДМЕТНАЯ СИСТЕМА ВЪ НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ И ЕЯ ПРИМѢНЕНІЕ КЪ ФИЛОСОФСКИМЪ НАУКАМЪ [1]).

I.

Высшее образованіе переживаетъ въ Россіи глубокій кризисъ. Сейчасъ передъ нами на первомъ планѣ преимущественно, такъ сказать, внѣшне-общественныя черты этого кризиса. Мы были свидѣтелями долговременнаго перерыва въ работѣ университетовъ и всѣхъ вообще высшихъ школъ нашей родины; сейчасъ мы видимъ страшное переполненіе ихъ—частію отъ того, что въ нихъ, такъ сказать, застаивается масса студентовъ, частію отъ того, что въ нихъ—и особенно въ университеты—получили такъ или иначе доступъ молодые люди съ болѣе разнообразной подготовкой, чѣмъ это имѣло мѣсто до настоящаго времени.

Несомнѣнно, такое положеніе дѣлъ отзовется еще цѣлымъ рядомъ другихъ измѣненій въ строѣ нашего высшаго образованія. Оно—въ бо́льшей, нежели сейчасъ, степени—оторвется отъ государственной службы. Государство, имѣя передъ собой бо́льшее количество конкурентовъ на всевозможныя мѣста, вѣроятно, измѣнитъ и повыситъ предъявляемыя имъ на государственномъ экзаменѣ (на должность) требованія. Съ другой стороны, возросшая численно масса молодежи, получившей университетское образованіе, въ поискахъ примѣненія своего труда хлынетъ въ профессіи, въ которыхъ мы до сихъ поръ не привыкли встрѣчать людей съ высшимъ образованіемъ, и наполнитъ кадры тѣхъ спеціальностей, которыя создадутся неизбѣжнымъ культурнымъ ростомъ нашей родины—такъ, какъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX вѣка русская молодежь заняла мѣста въ судебномъ вѣдом-

[1]) Докладъ, читанный въ засѣданіи Петербургскаго Философскаго общества 8-го сентября 1907 г. Въ составъ его вошла, въ переработанномъ видѣ, статья о „предметной системѣ“, помѣщенная въ газетѣ „Дневникъ Казани“ (въ октябрѣ 1906 г.).

ствѣ и адвокатурѣ, въ земской медицинѣ и статистикѣ и т. д. Такъ и теперь мы стоимъ, можетъ быть, наканунѣ того дня, когда университетская молодежь разойдется по всей Руси въ качествѣ учителей „высшихъ народныхъ школъ" (Fortbildungsschulen) и учительскихъ семинарій и курсовъ, волостныхъ старшинъ и писарей, секретарей рабочихъ организацій, руководителей сельскихъ банковъ, кредитныхъ, производительныхъ и потребительныхъ товариществъ и т. д.—словомъ, станетъ во главѣ неминуемаго переустройства русской жизни на началахъ, уже выработанныхъ и практикуемыхъ въ Зап. Европѣ.

Процессъ этотъ не можетъ не возбуждать самаго горячаго интереса въ человѣкѣ, сознательно относящемся къ судьбамъ своей родины, и несомнѣнно, онъ будетъ своевременно учтенъ и изученъ.

Но рядомъ съ задачами такого характера жизнь выдвигаетъ вопросы, касающіеся внутренняго строя научнаго преподаванія, его организаціи въ зависимости отъ развитія самой науки, отъ непомѣрнаго роста ея матеріала, отъ того усложненія ея задачъ, безъ которыхъ въ наше время уже нѣтъ науки, а есть лишь то тупое и безсмысленное ремесло, съ которымъ всѣ мы знакомы по печальной памяти экспериментамъ университетскаго устава 1884 г. и связанныхъ съ нимъ учебныхъ плановъ.

Этотъ ростъ науки дѣлаетъ въ наше время совершенно неизбѣжной дальнѣйшую спеціализацію научнаго преподаванія, уничтоженіе въ немъ многопредметности, концентрацію преподаванія около извѣстныхъ центральныхъ предметовъ съ болѣе глубокимъ ихъ изученіемъ по источникамъ, съ отчетливымъ усвоеніемъ ихъ методологіи... Такая концентрація научнаго образованія не имѣетъ ничего общаго съ той принудительной концентраціей всего преподаванія около древнихъ языковъ, которая была введена у насъ въ 1884 году и нанесла столь долго не заживавшую рану нашимъ историко-филологическимъ факультетамъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, *какъ понимали* классическую древность творцы устава 1884 года, *въ чемъ* они видѣли сущность „классицизма", укажемъ только на то, что концентрація на классическихъ предметахъ тамъ была принудительной.

Напротивъ, въ сущность той реформы научнаго преподаванія, которая, какъ кажется, назрѣваетъ въ настоящее время, входитъ свобода выбора между тѣми науками и дисциплинами, около которыхъ концентрируется преподаваніе. Такого рода организація преподаванія, т. е. выработка цѣлаго ряда учебныхъ плановъ, изъ которыхъ каждый концентрированъ около какой-либо болѣе детально и самостоятельно

изучаемой науки или предмета, и может быть названа „предметной системой учебнаго плана“. Объ этой системѣ я и имѣю въ виду говорить въ моей статьѣ,—хотя (замѣчу) терминъ „предметная система“ не имѣетъ еще вполнѣ установившагося, всѣми принятаго значенія.

II.

Когда у насъ говорятъ о „предметной системѣ“, не всегда отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что подъ этимъ терминомъ можно разумѣть *двѣ совершенно различныхъ вещи:* 1) предметную систему экзаменовъ, 2) предметную систему учебнаго плана.

Предметная система экзаменовъ состоитъ въ томъ, что студентъ экзаменуется по каждому изучаемому имъ предмету отдѣльно—по мѣрѣ того, какъ онъ къ данному экзамену подготовился. Эта система противоположна теперешней—*курсовой*—въ двухъ отношеніяхъ. При курсовой системѣ экзаменуется: 1) сразу весь личный составъ даннаго „курса“, 2) по *всѣмъ* предметамъ даннаго „курса“ (1-го, 2-го, 3-го и 4-го) одинъ разъ въ году, въ теченіе извѣстнаго періода времени, въ опредѣленный день по каждому предмету. Въ противоположность этому, при *„предметной* системѣ экзаменовъ“ испытанія по каждому предмету происходятъ *нѣсколько разъ* въ теченіе учебнаго года—въ опредѣленные дни (недѣли или мѣсяца или въ другіе, заранѣе опубликованные сроки), между которыми выбираетъ самъ студентъ соотвѣтственно своимъ удобствамъ. Въ случаѣ многолюдства экзаменующихся, можетъ быть назначенъ максимумъ ихъ на каждое испытательное засѣданіе (напр., 30—50 человѣкъ). При этомъ, конечно, должны выполняться всѣ спеціальные сроки, назначаемые факультетами для прохожденія курса (напр., сдача всѣхъ *пропедевтическихъ* предметовъ не позже 2-хъ или 3-хъ лѣтъ со времени поступленія, а всѣхъ вообще предметовъ не ранѣе 3-хъ или 4-хъ и не позже 6-ти лѣтъ и т. д.). Но въ этихъ предѣлахъ студентамъ предоставляется свобода распредѣленія экзаменовъ [1]).

Такая система испытаній не цѣлаго „курса“ студентовъ по цѣлому циклу предметовъ, проходимыхъ на данномъ „курсѣ“, а отдѣльныхъ студентовъ по отдѣльнымъ предметамъ имѣетъ большія преимущества передъ теперешней—„курсовой“. При „предметной системѣ экзаме-

[1]) На историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета съ осени 1906 г. установлено три срока экзаменовъ въ теченіе учебнаго года: въ сентябрѣ, январѣ и маѣ, т. е. послѣ лѣтнихъ, рождественскихъ и пасхальныхъ вакацій.

новъ“ невозможна такая нелѣпость, какъ оставленіе студента на второй годъ на томъ же курсѣ,—нелѣпость, приводящая къ тому, что человѣкъ, не удовлетворившій требованіямъ по какой-либо наукѣ, обязуется прослушать рядъ новыхъ курсовъ, при чемъ очень часто какъ разъ тѣ курсы, по которымъ его познанія оказались недостаточными, вовсе не читаются въ томъ году, когда онъ проходитъ повторительный курсъ. Далѣе, „предметная система экзаменовъ“ позволяетъ студенту (при желаніи) гораздо лучше использовать время: онъ можетъ назначить два-три испытанія на осеннее полугодіе, когда его работоспособность выше, можетъ сдать особенно трудный предметъ сейчасъ же послѣ лѣтнихъ каникулъ, подготовившись за лѣто, и вообще распредѣлять свои занятія, какъ ему нужно для его цѣлей. Кромѣ того, система эта, ровнѣе распредѣляя трудъ экзаменаторовъ, позволяетъ имъ ближе знакомиться съ экзаменующимися и обстоятельнѣе провѣрять ихъ познанія. Наконецъ, при очень большомъ наплывѣ студентовъ въ университеты эта система будетъ *единственно возможной*, потому что сколько-нибудь добросовѣстнаго испытанія 1—2 тысячъ студентовъ (какъ это имѣетъ мѣсто на юридическихъ факультетахъ) въ теченіе одного мая мѣсяца по нѣсколькимъ предметамъ не выдержитъ никакое экзаменаторское здоровье[1]).

„Предметная система экзаменовъ“—и это очень важно—совмѣстима рѣшительно со всякой системой *учебнаго плана*: факультетской, „отдѣленской“ и „предметной“. Она совершенно не касается того, *какія именно* науки будетъ изучать студентъ: она предусматриваетъ только то, какимъ образомъ его знанія будутъ провѣряться,—и лишь коегдѣ можетъ указывать желательную или безусловно обязательную послѣдовательность сдачи экзаменовъ по отдѣльнымъ предметамъ—*внутри всякаго даннаго учебнаго плана.*

„Предметная система экзаменовъ“ въ чистомъ видѣ существуетъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ; напр., въ парижской École de médécine.

---

[1]) Вопросъ о „предметной системѣ экзаменовъ“ затронутъ въ статьѣ проф. *П. Г. Виноградова* „Учебное дѣло въ нашихъ университетахъ“ (Вѣст. Евр., окт. 1901) и довольно обстоятельно разработанъ въ „Трудахъ Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній“ (С.-Пб. 1903): а именно, въ „Докладѣ о курсовой и предметной системахъ преподаванія и испытаній“ проф. *А. С. Алексѣева.* (Вып. III, стр. 69—75 и „Журналы засѣданій комиссіи“. Вып. I, стр. 43—63). Смотри также книгу проф. *Л. I. Петражицкаго.* „Университетъ и наука“, т. I, въ разныхъ мѣстахъ, особенно стр. 94 и слѣд.

III.

Совершенно иное представляетъ собою „предметная система учебнаго плана“: эта послѣдняя есть, какъ я сказалъ, дальнѣйшій и необходимый шагъ въ процессѣ расширенія, специализаціи и углубленія научнаго преподаванія.

Для болѣе отчетливаго представленія объ этой системѣ, бросимъ взглядъ на исторію университетскаго преподаванія.

Главный прототипъ современныхъ университетовъ — университетъ Парижскій—самопроизвольно сложился около 1200 года изъ частнаго союза „вольныхъ“ (т. е. не учившихъ въ офиціальныхъ школахъ того времени: монастырскихъ, епископскихъ, соборныхъ) учителей, изъ которыхъ каждый держалъ маленькую школу. Очень скоро внутри этого союза началась дифференціація по спеціальностямъ,—стали намѣчаться „факультеты“. Такъ какъ университетъ создался въ общемъ для удовлетворенія жизненныхъ, практическихъ потребностей, то главными, „старшими“ факультетами были: богословскій, готовившій къ высшей учено-духовной карьерѣ, юридическій (съ двумя подраздѣленіями: права гражданскаго и права каноническаго), готовившій законниковъ, и медицинскій.

Такъ какъ источниками тогдашней науки были, главнымъ образомъ, св. Писаніе съ „отеческой“ литературой и древніе авторы, то для занятій на „старшихъ“ факультетахъ нужно было знаніе, по крайней мѣрѣ, латинскаго языка, — если также и не греческаго. И вотъ, для ознакомленія съ латинскимъ языкомъ и для предварительнаго „общаго“ образованія, скоро выдѣлился самый многолюдный, „подготовительный“ факультетъ, такъ называемый facultas artium. Онъ назывался такъ потому, что въ связи съ изученіемъ древнихъ авторовъ и для ихъ пониманія на немъ преподавались знаменитыя „семь свободныхъ искусствъ“ (septem artes liberales): грамматика, діалектика, реторика, музыка, ариѳметика, геометрія и астрономія [1]). Въ эти семь рубрикъ втискивался тогда весь запасъ научныхъ знаній, полученныхъ средневѣковьемъ отъ древнихъ грековъ и римлянъ.

Съ XV вѣка значеніе „артистическаго“ факультета начинаетъ не-

---

[1]) Всѣмъ, конечно, извѣстно, что подъ этими названіями разумѣлось въ средніе вѣка далеко не то содержаніе, какое связывается съ ними сейчасъ. Содержаніе этихъ средневѣковыхъ дисциплинъ хорошо характеризовано въ книгѣ *Н. В. Сперанскаго* „Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ“.

обычайно быстро возрастать: семь свободныхъ искусствъ изъ подготовительной школы становятся постепенно основой всего научнаго знанія. Подъ знаменемъ „грамматики“ и „реторики“ выростаетъ поэзія гуманистовъ; „ариѳметика“ начинаетъ развиваться въ цѣлую огромную область математическихъ знаній; въ геніальныхъ интуиціяхъ Джордано Бруно, въ открытіяхъ Коперника, Тихо-де-Браге, Кеплера, позже Ньютона и др. скромная „астрономія“ древнихъ выростаетъ въ цѣлую систему міровѣдѣнія; создается—трудами Галилея, Декарта, Паскаля, Гюйгенса, Бойля и ихъ продолжателей—новая физика. Этотъ процессъ роста наукъ выдвигаетъ „артистическій“ факультетъ на первый планъ: онъ становится центральнымъ факультетомъ и нѣсколько позже получаетъ названіе факультета „философскаго“.

Было ясно однако, что существованіе „философскаго“ факультета, какъ единаго цѣлаго, невозможно. Дальнѣйшій ростъ наукъ дробитъ его на два отдѣленія (потомъ становящіяся, въ свою очередь, факультетами): на отдѣленія, соотвѣтствующія нашимъ факультетамъ: физико-математическому и историко-филологическому. Надо замѣтить однако, что, напримѣръ, въ Германіи до сихъ поръ „философскій“ факультетъ объединяетъ въ себѣ обѣ эти группы наукъ. То же было и въ Россіи по университетскому уставу 1835 г.; въ этомъ уставѣ фигурировалъ „философскій“ факультетъ съ двумя „отдѣленіями“: „первымъ“ (историко-филологическимъ) и „вторымъ“ (физико-математическимъ). Но въ общемъ въ теченіе XIX вѣка факультеты историко-филологическій и физико-математическій совершенно обособляются другъ отъ друга, складываясь во вполнѣ самостоятельныя цѣлыя.

Однако, спеціализація высшаго образованія въ этой области не останавливается и на этомъ. Слѣдующимъ ея этапомъ является выдѣленіе, въ составѣ историко-филологическихъ и физико-математическихъ факультетовъ, новыхъ цѣлыхъ—такъ называемыхъ „отдѣленій“. Физико-математическій факультетъ распадается на отдѣленія: математическое и естественное, и эта дифференціація становится настолько глубокой, что—за небольшими исключеніями — составъ курса этихъ отдѣленій совершенно различенъ. Внутри историко-филологическихъ факультетовъ также постепенно сложились отдѣленія,—у насъ въ Россіи: классическое, словесное и историческое [1]). Но здѣсь связь отдѣленій между собою осталась болѣе тѣсной, чѣмъ на факультетѣ физико-

[1]) Въ Петербургскомъ университетѣ, какъ извѣстно, есть еще четвертое отдѣленіе: германо-романское.

математическомъ: по большей части специализація на отдѣленія начиналась съ 3-го курса; первые же два курса были общи для всѣхъ.

Университетскій уставъ 1884 г. и правила, на немъ основанныя, насильственно и вопреки естественному ходу дѣла вернули курсъ историко-филологическихъ факультетовъ къ его прежней нерасчлененности: отдѣленія были уничтожены, и въ основу курса всего факультета были положены древніе языки съ древней литературой и исторіей. Но, какъ и слѣдовало ожидать, попытка эта, стоявшая въ вопіющемъ противорѣчіи съ потребностями самого дѣла, потерпѣла полную неудачу, и прежнія отдѣленія черезъ нѣсколько лѣтъ были возстановлены.

Слѣдующимъ за „отдѣленіями" шагомъ все въ томъ же направленіи диференціаціи, специализаціи и углубленія научнаго образованія и является „предметная система" учебнаго курса.

IV.

Вопросъ о специализаціи и углубленіи научнаго преподаванія на историко-филологическихъ университетахъ затрогивался и въ нашей литературѣ. Не восходя къ болѣе отдаленнымъ годамъ, литературу которыхъ по этому вопросу я не собиралъ, я укажу только на кое-что изъ появившагося въ послѣднее время.

Честь почина принадлежитъ, если я не ошибаюсь, проф. *П. Г. Виноградову*, совершенно отчетливо поставившему этотъ вопросъ въ превосходной статьѣ „Учебное дѣло въ нашихъ университетахъ", помѣщенной въ октябрьской книгѣ „Вѣстника Европы" за 1901 г. Разобравъ и признавъ негодными для поднятія уровня научнаго образованія какъ полную „свободу слушанія", такъ и „систему школьнаго принужденія", проф. Виноградовъ останавливается, какъ на единственно возможномъ исходѣ, на „усовершенствованіи выработавшейся у насъ исторически системы факультетскаго руководства". „Вмѣсто общихъ плановъ по факультетамъ или хотя бы даже по отдѣленіямъ, говоритъ онъ, планы обязательныхъ курсовъ должны быть *групповые* на менѣе широкомъ, но прочномъ фундаментѣ. Напр., на историко-филологическомъ факультетѣ можно было бы разрѣшить слѣдующія комбинаціи предметовъ, кромѣ логики и психологіи, которыя должны слушаться всѣми: 1) *древніе языки* (и литература), сравнительное языкознаніе, исторія древней философіи, древняя исторія; 2) *славянскія нарѣчія*, славяновѣдѣніе, сравнительное языкознаніе, исторія всеобщей литературы (или исторія русской литературы); 3) *русскій*

языкъ, исторія русской литературы, исторія всеобщей литературы, исторія философіи, русская исторія; 4) *германскіе* (или романскіе) языки, сравнительное языкознаніе, исторія всеобщей литературы, исторія философія, всеобщая исторія; 5) *исторія*—всеобщая и русская, исторія философіи и древніе языки (или русскій языкъ и литература, или исторія искусства); 6) *философія*, исторія всеобщей литературы, всеобщая исторія, древніе языки; 7) *исторія искусствъ*, исторія философіи, всеобщая исторія, исторія всеобщей литературы, древніе языки"... „Я убѣжденъ, говоритъ проф. Виноградовъ, что предлагаемая разверстка учебныхъ плановъ будетъ значительно содѣйствовать оживленію интереса и увеличенію успѣшности занятій". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ успѣшно отражаетъ возможныя возраженія противъ этой системы (стр. 568—9), каковыхъ онъ насчитываетъ три. Могутъ сказать: 1) что подобная система придаетъ университетскимъ занятіямъ слишкомъ спеціальный характеръ, 2) что подобная спеціализація затруднитъ будущую профессіональную дѣятельность учащихся, 3) что для такой системы у насъ не хватитъ преподавательскаго персонала.

Далѣе, въ май-іюньской книжкѣ „Ученыхъ записокъ Казанскаго университета" за 1904 г. имѣется цѣнная замѣтка М. М. Хвостова: „Постановка студенческихъ занятій въ Оксфордскомъ университетѣ". Указавъ на недостатки оксфордской системы университетскихъ занятій—на то, что при ней всѣ силы студентовъ и преподавателей уходятъ на подготовку къ экзаменамъ, что нѣтъ практическихъ занятій по гуманитарнымъ наукамъ, авторъ замѣчаетъ, что несправедливо было бы однако думать, что въ оксфордской системѣ нѣтъ хорошихъ сторонъ... „Одна особенность этой системы безусловно заслуживаетъ подражанія: это разумная спеціализація экзаменовъ... Обязательные предметы, не имѣющіе прямого отношенія къ главной спеціальности студента, сведены на экзаменѣ до минимума. Этимъ устраняется обремененіе головы студента излишнимъ матеріаломъ, который все равно забывается по выходѣ изъ университета, а между тѣмъ мѣшаетъ студенту сосредоточиться на избранной имъ спеціальности. Въ то же время экзамены въ Оксфордѣ и не ведутъ къ узкой спеціализаціи"...

Укажу также на статью проф. *М. М. Покровскаго*: „Мысли о реформѣ университетскаго учебнаго строя на основѣ предметной системы", помѣщенную въ мартовской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 г. Авторъ ея разсматриваетъ вопросъ, какъ онъ самъ говоритъ, преимущественно съ точки зрѣнія „преподавателей и научно-педагогическихъ институтовъ, разумѣя подъ ними какъ

факультеты, такъ и отдѣльныя каѳедры". Въ частности онъ останавливается на чередованіи читаемыхъ курсовъ, на семестральномъ порядкѣ преподаванія, на соотношеніи между энциклопедическимъ и спеціальнымъ элементами научнаго образованія, на организаціи практическихъ занятій и излагаетъ свой „проектъ каѳедры (мы теперь сказали бы: предметной группы) классической филологіи". Кромѣ того, онъ настаиваетъ на необходимости поддерживать возможно большую связь между различными факультетами, иллюстрируя это на примѣрѣ каѳедры исторіи философіи права, которую онъ считаетъ принадлежащей столько же историко-филологическому, сколько и юридическому факультету...

Итакъ, „предметная система учебнаго плана" состоитъ въ томъ, что при ней вырабатывается не одинъ учебный планъ для цѣлаго факультета (или отдѣленія), а рядъ плановъ для болѣе мелкихъ „группъ", изъ которыхъ въ центрѣ каждой стоитъ одинъ изъ крупныхъ предметовъ преподаванія, одна изъ системъ наукъ и дисциплинъ, обладающихъ внутренней связностью и единствомъ. Стоящая въ центрѣ занятій наука (или система наукъ) составляетъ предметъ болѣе детальнаго и глубокаго изученія, а около нея располагаются въ извѣстной системѣ другія, родственныя ей науки, изучаемыя не столь детально, какъ наука основная.

Нѣчто подобное этой системѣ существуетъ, какъ извѣстно, въ германскихъ университетахъ—для экзамена на степень „доктора философіи". Тамъ экзаменующійся, кромѣ написанія и публичной защиты небольшой диссертаціи, обязанъ сдать экзаменъ по одному „главному" предмету (Hauptfach) и по двумъ „дополнительнымъ" (Nebenfächer). Комбинаціи этихъ главныхъ и дополнительныхъ предметовъ установлены въ разныхъ университетахъ различныя—съ значительной свободой въ выборѣ дополнительныхъ наукъ.

Приведу, напримѣръ, детально разработанный планъ экзаменовъ на степень доктора на философскомъ факультетѣ Грейфсвальдскаго университета (по книгѣ M. Baumgart'a: Grundsätze und Bedingungen zur Erlangung der Doctorwürde. 5 Aufl. Berlin. 1898). Каждый безъ исключенія кандидатъ на „доктора философіи" подвергается тамъ испытанію по философіи, а затѣмъ по своему главному и по своимъ дополнительнымъ предметамъ.

И въ частности: кандидатъ философіи—по всѣмъ философскимъ наукамъ и по одной отрасли дисциплинъ историко-филологическихъ или естественно-математическихъ; кандидатъ археологіи—по археологіи

и по греческой и латинской филологіи; кандидатъ классической филологіи—по греческой и латинской филологіи и либо по древней исторіи, либо по археологіи; кандидатъ германской филологіи — по своей спеціальности и еще по одной изъ филологическихъ или историческихъ наукъ; кандидатъ новой филологіи—по романской или англійской филологіи и еще по двумъ филологическимъ либо историческимъ наукамъ: кандидатъ лингвистики—по сравнительному языковѣдѣнію и по одной отрасли древней либо новой филологіи; кандидатъ восточной филологіи—по языку, избранному имъ для спеціальнаго изученія, по языкамъ, родственнымъ этому послѣднему, и по одной отрасли классической филологіи. Кандидатъ исторіи долженъ сдать экзамены изъ всѣхъ отдѣловъ исторіи и изъ одной науки филологической. Кандидатъ математики—изъ всѣхъ математическихъ наукъ и изъ физики; кандидатъ физики—изъ физики, математики и химіи; кандидатъ химіи—изъ химіи, физики и одной изъ описательныхъ естественныхъ наукъ; кандидаты зоологіи, ботаники, минералогіи—каждый изъ своей спеціальности и изъ физики и химіи; кандидатъ географіи — изъ географіи, физики и либо математики, либо одной изъ естественныхъ наукъ (зоологіи или ботаники или минералогіи), либо изъ одной изъ наукъ историческихъ. Кандидаты обществовѣдѣнія (Staatswissenschaft) экзаменуются спеціально изъ политической экономіи съ финансами и дополнительно изъ исторіи либо изъ государствовѣдѣнія (Staatslehre).

Таковъ типъ нѣмецкихъ экзаменовъ на „доктора философіи". При этомъ не надо забывать, что на „доктора философіи" держатъ далеко не всѣ студенты философскаго факультета; большинство, прослушавъ курсы въ теченіе положеннаго числа семестровъ, прямо сдаютъ *государственные экзамены* на должность, программа которыхъ шире программы докторскаго экзамена.

V.

Какой же видъ можетъ принять „предметная система учебнаго плана" въ нашихъ университетахъ, и прежде всего на факультетахъ историко-филологическихъ, ближе мнѣ знакомыхъ?

Я уже говорилъ о раздѣленіи двухъ старшихъ курсовъ историко-филологическихъ факультетовъ на три „отдѣленія": классическое, словесное и историческое... Этотъ процессъ дифференціаціи не могъ остановиться на образованіи отдѣленій.

Система нашихъ „отдѣленій" имѣетъ слѣдующія неудобства:

1) Она неполна: въ числѣ отдѣленій вовсе нѣтъ, напримѣръ, отдѣленія столь важнаго, какъ философское.

2) Въ отдѣленіяхъ соединяются подчасъ слишкомъ разнородныя отрасли знанія; напримѣръ, подъ рубрикой „словеснаго" отдѣленія соединены изученіе языка и изученіе литературы, требующія совершенно различныхъ методовъ и различныхъ личныхъ интересовъ и склонностей. Изученіе языка, заставляющее студента углубиться въ физіологію рѣчи, въ переходы звуковъ, въ вопросы о корняхъ, окончаніяхъ, удареніяхъ и т. д., совершенно отлично отъ изученія литературы, для котораго требуется, между прочимъ, интересъ къ вопросамъ эстетики литературныхъ формъ, къ пониманію общественнаго процесса въ цѣломъ и роли въ немъ литературы, къ исторіи народнаго хозяйства, политическихъ формъ, общественнаго и частнаго быта, психологіи общественныхъ классовъ, значенія религіи и церкви, науки, идейнаго творчества... Это совмѣщеніе двухъ столь разнородныхъ вещей является нерѣдко камнемъ преткновенія для ищущихъ ученыхъ степеней по наукамъ словеснаго отдѣленія: историка литературы затрудняетъ обиліе чисто лингвистическаго матеріала, тогда какъ языковѣдъ съ неохотой отвлекается для изученія чисто литературныхъ явленій.

Въ нѣсколько иномъ видѣ проявляется стремленіе въ дифференціаціи внутри „историческаго" отдѣленія историко-филологическаго факультета. Задачи и методы исторіи *должны быть въ основахъ своихъ всегда и вездѣ одинаковы*, каковъ бы ни былъ историческій матеріалъ. Поэтому въ предѣлахъ историческаго отдѣленія дифференціація навязывается не разнородностью по существу изучаемыхъ на немъ наукъ, а колоссальнымъ ростомъ самой исторіи и разнохарактерностью ея источниковъ, въ число которыхъ входятъ и глиняныя плитки съ ассирійскими клинообразными письменами, и средневѣковыя латинскія хроники, и греческіе историки, и русскія лѣтописи и писцовыя книги, и еврейскія религіозныя книги, и скандинавскія саги, и монетные клады, и развалины дворцовъ и храмовъ въ Микенахъ, Троѣ и т. д. и т. д. Между тѣмъ, современное научное образованіе признаетъ необходимымъ—для усвоенія самаго въ немъ важнаго: *методологіи*—непосредственное ознакомленіе хоть съ какими-нибудь источниками. Прежде на это обращалось менѣе вниманія: профессора только читали лекціи, на которыхъ выясняли свое собственное пониманіе проблемъ данной науки, и студентъ, хотя бы и желалъ, не могъ выработать независимаго, личнаго отношенія къ данной области знанія. Онъ либо под-

чинялся міровоззрѣнію профессора, либо неотчетливо и полубезсознательно критиковалъ и отвергалъ его, чувствуя, что оно его не удовлетворяетъ, либо (и это чаще всего) вовсе не заглядывалъ въ принципіальные вопросы науки, ограничиваясь усвоеніемъ фактическаго матеріала и оставаясь совершенно чуждымъ принципіальнаго къ нему отношенія. На „обывательскихъ“ разговорахъ молодежи постоянно сказывалось это безсознательное отношеніе къ главной—принципіально-методологической—сторонѣ науки.

Однако, въ настоящее время пассивное усвоеніе все менѣе начинаетъ удовлетворять и молодежь, и потому среди методовъ занятій самостоятельныя работы по источникамъ начинаютъ играть все болѣе и болѣе видную роль. Идеальная постановка научныхъ занятій въ наше время необходимо требуетъ не одного сообщенія свѣдѣній, а и возбужденія *интереса*, вкуса къ самостоятельной работѣ мысли, что достижимо посредствомъ нагляднаго примѣра со стороны преподавателей—на практическихъ занятіяхъ по источникамъ. Здѣсь преподаватель можетъ въ полной мѣрѣ воодушевить студента самымъ процессомъ своей работы. Замѣчу, что на этомъ основывается отчасти притягательная сила того демонстративнаго преподаванія, которое въ такой широкой мѣрѣ практикуется на физико-математическихъ и медицинскихъ факультетахъ (на послѣднихъ клиническія занятія у постели больныхъ).

Въ виду сказаннаго ясно, что надлежащее преподаваніе исторіи требуетъ дифференціаціи по другой причинѣ: по причинѣ необъятности и разнохарактерности ея источниковъ. А отсюда и вытекаетъ возможность дробленія историческаго „отдѣленія“ на спеціальности: всеобщей, русской исторіи, исторіи славянъ, исторіи искусства, религій (и церкви) и т. д.

Такимъ образомъ и складывается новая система преподаванія на историко-филологическихъ факультетахъ. Основныхъ группъ знаній, изучаемыхъ на этихъ факультетахъ, можно считать четыре: 1) языкъ, 2) литература, 3) исторія (съ „древностями“, археологіей и цѣлымъ рядомъ другихъ дисциплинъ) и 4) философія (исторія философіи, а также исторія науки, философская критика и прикладныя философскія науки: логика, этика, эстетика), съ которой должна непремѣнно остаться въ тѣсной *принципіальной* и *методологической* связи и психологія, хотя бы по матеріалу своему наука эта и вышла за предѣлы собственно философской области. Эти основныя группы знаній могутъ быть раздѣляемы на любое количество „цикловъ“ или предметныхъ

„учебныхъ плановъ" въ зависимости отъ практическихъ потребностей и другихъ условій.

Вотъ списокъ группъ „предметныхъ учебныхъ плановъ", выработанный историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета, какъ исчерпывающій циклъ наукъ этого факультета (такъ сказать, „идеальный" списокъ; въ дѣйствительности не всѣ эти группы оказалось возможнымъ осуществить съ самаго начала):

1) группа русскаго языка и словесности (съ секціями: русскаго языка и литературы),

2) славянской филологіи,

3) классической филологіи,

4) западно-европейскихъ литературъ (съ секціями: романской и германской),

5) сравнительнаго языковѣдѣнія,

6) всеобщей исторіи,

7) русской исторіи,

8) исторіи славянъ,

9) исторіи церкви,

10) исторіи искусства и археологіи,

11) философскихъ наукъ (съ секціями: исторіи философіи, психологіи и „систематической философіи"—логики, теоріи и критики познанія, этики и т. д.).

Детальный планъ „предметной системы" выработанъ также историко-филологическимъ факультетомъ Казанскаго университета. Въ немъ признано возможнымъ (въ соотвѣтствіи съ количествомъ наличныхъ преподавательскихъ силъ) теперь же осуществленіе слѣдующихъ 8 группъ: 1) русскаго языка, 2) русской литературы, 3) славянскихъ языковъ, 4) славянскихъ литературъ, 5) классической филологіи, 6) сравнительнаго языковѣдѣнія, 7) всеобщей исторіи, 8) русской исторіи. Кромѣ того, признана необходимость образованія философской группы, немедленное осуществленіе которой оказалось невозможнымъ лишь по чисто фактическимъ условіямъ.

Такимъ образомъ, число и содержаніе „предметныхъ группъ", принятыхъ факультетами московскимъ и казанскимъ, не совсѣмъ совпадаютъ. Двѣ секціи московской „группы русскаго языка и словесности" стали въ Казани самостоятельными группами; московская группа „славянской филологіи" распалась въ Казани также на двѣ: славянскихъ языковъ и славянскихъ литературъ. За то въ Казани оказалось невозможнымъ учрежденіе группъ: западно-европейскихъ

литературъ, исторіи славянъ, исторіи церкви, исторіи искусства и археологіи и (временно) группы философскихъ наукъ.

Извѣстное приближеніе къ „предметной системѣ“ учебнаго плана введено съ 1906—1907 учебнаго года также въ Кіевскомъ университетѣ. Тамъ введено съ этого года 10 „спеціальностей“, одну изъ которыхъ выбираетъ каждый студентъ. Предметами философской „спеціальности“ являются: 1) логика, 2) психологія, 3) введеніе въ философію, 4) латинскіе авторы, 5) греческіе авторы, 6) кромѣ того, отдѣльно Платонъ и Аристотель, 7) исторія древней, 8) средневѣковой и 9) новой философіи, 10) педагогика и 11) эстетика; кромѣ того, обязательно участіе въ теченіе 4 семестровъ въ практическихъ занятіяхъ по философіи. Всѣ эти предметы сдаются въ государственныхъ испытательныхъ комиссіяхъ. Кромѣ нихъ, студентъ долженъ прослушать еще рядъ курсовъ „дополнительныхъ“, подводящихъ каждаго студента подъ одно изъ трехъ, еще не отмѣненныхъ у насъ по закону „отдѣленій“: классическое, словесное или историческое. Экзамены по этимъ „дополнительнымъ“ предметамъ сдаются въ факультетахъ по мѣрѣ прослушанія курсовъ; сдача ихъ даетъ право на преподаваніе въ средне-учебныхъ заведеніяхъ древнихъ языковъ, словесности или исторіи.

Нѣсколько болѣе сложнымъ характеромъ отличается система, принятая въ Петербургскомъ университетѣ. Тамъ извѣстная спеціализація допускается въ предѣлахъ четырехъ существующихъ отдѣленій (классическаго, словеснаго, германо-романскаго и историческаго) [1].

Надо имѣть въ виду, что прохожденіе курса по „предметной системѣ“, углубляя занятія центральной наукой, можетъ не подвергать, тѣмъ не менѣе, студента опасности излишней и узкой спеціализаціи. Постановка въ центрѣ занятій одной какой-либо науки (или даже одного отдѣла ея) обозначаетъ только то, что данная наука (или ея отдѣлъ) изучается болѣе детально и глубоко; къ этой именно наукѣ или ея отдѣлу пріурочиваются главныя изъ практическихъ занятій студента. Но это вовсе не значитъ, что даже изъ числа главныхъ или „основныхъ“ предметовъ исключаются всѣ другія науки: науки ближайшія къ центральной также проходятся, но только безъ практическихъ занятій или съ меньшимъ ихъ количествомъ.

Дальнѣйшее расширеніе познаній студента вносится курсами до-

---

[1] Детально эта система была изложена проф. А. И. Введенскимъ въ преніяхъ, вызванныхъ настоящимъ рефератомъ въ С.-Пб. Философскомъ обществѣ.

полнительными или „вспомогательными“, среди которыхъ студенту можетъ быть предоставленъ въ извѣстныхъ предѣлахъ выборъ—въ зависимости отъ его личныхъ склонностей или отъ необходимости подготовиться къ предстоящей профессіональной дѣятельности. Общая же связь всей данной отрасли наукъ и общія методологическія и философскія основы могутъ быть даваемы рядомъ вводныхъ или „пропедевтическихъ“ курсовъ, которые будутъ, конечно, болѣе или менѣе тожественными для всѣхъ студентовъ факультета.

Чтобы дать понятіе о составѣ группы, укажу, напримѣръ, на то, что—по московскому „плану историко-филологическихъ группъ предметовъ преподаванія“—студентъ, проходящій курсъ по группѣ *русской исторіи*, не только слушаетъ, но и занимается въ семинаріяхъ по всеобщей исторіи (только въ меньшемъ, сравнительно съ русской исторіей, объемѣ). Далѣе, цѣлый рядъ дисциплинъ, расширяющихъ подготовку такого студента, предлагается въ числѣ „вспомогательныхъ курсовъ“: тутъ и философія и методологія исторіи, и исторія новой философіи, географія Россіи, исторія русской церкви, исторія русской литературы, исторія западно-европейскихъ литературъ XVII—XIX вв., исторія русскаго искусства и т. д.

Наконецъ, въ числѣ „пропедевтическихъ“ курсовъ мы находимъ въ московскомъ планѣ логику, психологію, „обзоръ философскихъ проблемъ“ (мы предпочли бы укрѣпившійся терминъ: введеніе въ философію), „очеркъ физической и духовной сторонъ явленій языка“, греческихъ и латинскихъ авторовъ и еще 3—4 курса, варіирующіе по группамъ (напр., государственное право, элементы гражданскаго права и политическая экономія для историковъ, славянскіе языки—для группы по „исторіи славянъ“).

VI.

Укажу теперь на отношеніе „предметной системы учебныхъ плановъ“ къ „государственнымъ испытаніямъ“ (на должность). Предметная система вводится въ цѣляхъ лучшей постановки *научнаго образованія*; она не считается съ потребностями будущей практической дѣятельности студентовъ. Между тѣмъ, главная масса труда лицъ, прошедшихъ курсъ историко-филологическаго факультета, поглощается преподавательской дѣятельностью: они занимаютъ мѣста учителей русскаго языка, исторіи и географіи, древнихъ языковъ и „философской пропедевтики“. Поэтому государство можетъ установить, по крайней мѣрѣ, четыре программы на званіе учителя, соотвѣтствую-

щія этимъ спеціальностямъ (существующія программы государственныхъ экзаменовъ по отдѣленіямъ—классическому, словесному и историческому—сложились именно въ этихъ видахъ: философская пропедевтика тогда еще не преподавалась въ гимназіяхъ). И вотъ, можетъ оказаться, что ни одна „групповая“ программа не совпадаетъ вполнѣ ни съ одной программой государственнаго экзамена. Тогда студенту, намѣчающему себѣ ту или другую преподавательскую спеціальность, придется пріобрѣтать свѣдѣнія (по недостающимъ до „программы испытанія на должность“ наукамъ) частнымъ образомъ—либо по учебникамъ, либо слушаніемъ курсовъ за предѣлами своей „группы“. Это неудобство—возможное несовпаденіе программъ университетскихъ занятій съ программами испытаній на должность (если таковыя будутъ)—надо имѣть заранѣе въ виду. Вообще этотъ вопросъ потребуетъ детальнаго разсмотрѣнія и рѣшенія въ ближайшее же время—даже и помимо его связи съ введеніемъ предметной системы. Насколько мнѣ извѣстно, мнѣнія совѣтовъ русскихъ университетовъ въ этомъ вопросѣ существенно разошлись: одни полагаютъ, что университетъ долженъ дѣлать свое учено-педагогическое дѣло и экзаменовать изъ преподаваемыхъ курсовъ, совершенно не считаясь съ тѣмъ, какія требованія предъявитъ государство на экзаменахъ на должность и будутъ вообще или нѣтъ такіе экзамены. Другіе стоятъ за то, чтобы никакихъ государственныхъ экзаменовъ не было, чтобы всѣ испытанія исчерпывались тѣми, какимъ студентъ подвергается со стороны своего факультета. Третьи ищутъ средняго пути, дѣля общій циклъ экзаменовъ по изучаемымъ наукамъ между факультетомъ и государственными комиссіями, при чемъ одни хотѣли бы оставить въ рукахъ факультетовъ экзамены по основнымъ курсамъ, сдавъ въ комиссіи вспомогательные предметы, другіе же—настаиваютъ на обратномъ распредѣленіи. Это сложный вопросъ, на которомъ я больше останавливаться здѣсь не буду.

Если взять теперешнія программы государственныхъ экзаменовъ по историко-филологическому факультету, то мы найдемъ даже въ нихъ все же значительное соотвѣтствіе съ университетскими занятіями по предметной системѣ: студенты, проходящіе курсъ по „группамъ“ всеобщей, русской и славянской исторіи, будутъ—почти безъ пополненія пройденнаго ими въ университетѣ—готовы къ экзаменамъ по историческому отдѣленію; студенты съ „группъ“ русскаго языка и словесности, западно-европейскихъ литературъ и славянской филологіи такимъ же образомъ будутъ въ состояніи держать по отдѣленію сло-

вѣсному; классики и сравнительные языковѣды—по классическому. Въ болѣе затруднительномъ положеніи окажутся студенты, работавшіе по группамъ: исторіи искусства и исторіи церкви; имъ придется больше добавлять къ пройденному въ своей группѣ, чтобы выдержать экзаменъ, напримѣръ, на „учителя исторіи". Не смотря на нѣкоторыя возможныя неудобства, надо имѣть въ виду, что только такая комбинація научныхъ занятій съ подготовкой къ практической работѣ можетъ удовлетворить какъ потребностямъ служебной дѣятельности, такъ и личнымъ интересамъ отдѣльныхъ студентовъ и современнымъ требованіямъ дифференцировавшагося и усложнившагося научнаго образованія.

Государство же, со своей стороны, должно пересмотрѣть требованія, предъявляемыя на экзаменахъ на должность, принявъ во вниманіе обѣ стороны дѣла—какъ научную, такъ и практико-педагогическую. Оно можетъ также регулировать и переходъ учителей съ одной спеціальности на другую (или расширеніе ихъ дѣятельности на нѣсколько спеціальностей, что особенно часто будетъ имѣть мѣсто въ провинціи—тамъ, гдѣ школъ мало и дифференцировки спеціальностей провести нельзя). Несомнѣнно, однако, что человѣкъ, усвоившій въ университетѣ методологію хотя бы *одной* изъ отраслей историко-филологическихъ наукъ и знакомый въ общихъ чертахъ (изъ пропедевтическихъ и вспомогательныхъ курсовъ) съ методами другихъ отраслей ихъ, безъ большого труда окажется въ состояніи не хуже теперешнихъ (тоже далеко не всегда *спеціально* подготовленныхъ) учителей преподавать и предметы, не входившіе въ его спеціальную „группу"... Въ московскомъ планѣ предметной системы потребность студентовъ въ подготовкѣ къ государственнымъ экзаменамъ принята во вниманіе въ формѣ слѣдующаго положенія: выполненіе обязательнаго для студента „группового плана" не можетъ занимать у него никогда болѣе 15 недѣльныхъ часовъ: остальные часы онъ можетъ употреблять на слушаніе предметовъ, либо интересующихъ его лично либо требующихся на государственномъ экзаменѣ.

Изъ другихъ практическихъ условій „предметной системы учебнаго плана" надо указать слѣдующее, въ высшей степени важное: система эта, для своего достойнаго проведенія на практикѣ, требуетъ *большого количества преподавательскихъ силъ.* Прежде всего, самые курсы наукъ при этой системѣ должны быть спеціальнѣе, глубже и многочисленнѣе, чѣмъ при прежнемъ порядкѣ. Далѣе, практическія занятія *обязательны для каждаго студента*; а практическія занятія, требу-

2*

ющія непосредственнаго общенія преподавателя съ каждымъ слушателемъ и массы чисто индивидуальныхъ указаній, *немыслимы при большомъ числѣ слушателей*,—необходимо дѣленіе общей ихъ массы на болѣе тѣсные кружки, занимающіеся параллельно подъ руководствомъ нѣсколькихъ преподавателей одного и того же предмета. Въ силу этихъ требованій, въ Московскомъ, напримѣръ, университетѣ изъ 11 намѣченныхъ „идеальнымъ“ планомъ группъ въ 1906—1907 учебномъ году оказалось возможнымъ *полностью* организовать *только шесть* (а именно, группы: русскаго языка и словесности, славянской филологіи, классической филологіи, сравнительнаго языковѣдѣнія, всеобщей исторіи и русской исторіи); *частично* организованы *двѣ*: западно-европейскихъ литературъ и философіи („преимущественно секціи исторіи философіи“,—хотя въ Московскомъ университетѣ *пять преподавателей философіи*); остальныя же *три* — исторіи славянъ, исторіи церкви и исторіи искусства и археологіи—*не организованы вовсе*.

VII.

Прибавлю нѣсколько словъ о предметной системѣ на другихъ факультетахъ. Вездѣ возможность ея проведенія опредѣляется, съ одной стороны, степенью расширенія матеріала и спеціализаціи изученій внутри данной отрасли наукъ, а съ другой—потребностями практики. Установить все это могутъ, конечно, только спеціалисты; я же позволю себѣ сдѣлать лишь нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній.

На *медицинскихъ* факультетахъ „предметная система“ составляетъ давно назрѣвшую потребность въ области подготовки спеціалистовъ на „докторантскомъ“ экзаменѣ и въ дѣлѣ составленія диссертацій. Въ подготовкѣ же собственно практическихъ врачей роль ея, повидимому, можетъ быть лишь очень ограниченной: огромное большинство врачей условіями жизни вынуждены быть „врачами вообще“, и поэтому спеціализація можетъ касаться лишь второстепенныхъ отраслей медицинской науки, въ родѣ зубныхъ, ушныхъ и горловыхъ болѣзней. нѣкоторыхъ спеціальныхъ терапій и т. п.

На *юридическихъ* факультетахъ „предметная система“ можетъ имѣть гораздо болѣе широкое приложеніе. Три главныхъ отрасли наукъ этого факультета: науки экономическія, государственныя и собственно-юридическія и соотвѣтствующія этому области практики: народное хозяйство, администрація и судъ — даютъ готовыя основы для спеціализаціи преподаванія, съ сохраненіемъ въ каждой группѣ нѣкоторыхъ „общихъ“ съ другими группами курсовъ.

На факультетѣ *физико-математическомъ* роль „предметной системы“ можетъ быть еще больше. На „естественныхъ“ отдѣленіяхъ, гдѣ практическія занятія имѣютъ такое большое значеніе, извѣстная спеціализація существуетъ уже и сейчасъ, и предметной системѣ остается ее урегулировать и провести болѣе систематически. На отдѣленіяхъ „математическихъ“, какъ кажется, сравнительно рѣже прибѣгаютъ — для развитія въ студентахъ научнаго мышленія — къ чтенію, реферированію и самостоятельной обработкѣ классическихъ произведеній математической литературы (играющихъ до извѣстной степени роль, аналогичную съ „источниками“ у историковъ). Но если бы этотъ принципъ практиковался, то вполнѣ возможно было бы дифференцировать самостоятельныя занятія студентовъ по спеціальностямъ: напримѣръ, математики, механики, астрономіи и физики. Кромѣ того, можно было бы ввести дополнительные, болѣе спеціальные курсы для каждой изъ „группъ“.

Въ общемъ „предметная система учебнаго плана“ представляетъ въ высшей степени цѣлесообразную и подсказываемую всѣмъ ходомъ развитія науки попытку улучшить научное преподаваніе, возвести его на болѣе высокій уровень. Надо только, повторяю, имѣть въ виду, что она требуетъ гораздо большей, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, затраты преподавательскихъ силъ, а потому и матеріальныхъ средствъ и организаторскаго труда со стороны факультетовъ, университетскихъ совѣтовъ и всѣхъ другихъ учрежденій, имѣющихъ вліяніе на высшее научное образованіе. Нельзя не пожелать, чтобы опытъ введенія ея у насъ удался. Конечно, такое сложное дѣло не можетъ обойтись безъ колебаній, не можетъ не встрѣтить различныхъ затрудненій. Но этимъ не надо смущаться: настойчивостью всѣ эти затрудненія можно побѣдить, — по сущности своей они не непреодолимы.

VIII.

Перехожу теперь къ „группѣ философскихъ наукъ“. Здѣсь прежде всего является вопросъ о ея составѣ, т. е. о тѣхъ наукахъ, которыя должны на ней изучаться. Въ томъ, что такая группа необходима въ числѣ другихъ, сомнѣнія быть не можетъ: только она въ состояніи подготовить, какъ слѣдуетъ, спеціалистовъ и школьныхъ учителей по столь важной отрасли знанія; кромѣ того, она должна имѣть большое общеобразовательное значеніе.

Я начну съ обзора извѣстныхъ мнѣ попытокъ установленія цикла наукъ такой „философской группы“ [1]).

Въ составѣ американскаго Cornell University (въ г. Итакѣ штата Нью-Іоркъ) существуетъ особый „философскій факультетъ“ подъ названіемъ Sage School of Philosophy. Въ курсъ этой школы входятъ слѣдующія науки и группы наукъ: 1) логика; 2) психологія; 3) этика; 4) исторія и философія религіи; 5) метафизика и „эпистемологія“ (т. е. теорія познанія); 6) исторія философіи и 7) нѣкоторые курсы изъ другихъ областей знанія (названные въ программѣ relaxed courses in other departments).

При этомъ въ отдѣлѣ *логики* указаны слѣдующіе курсы: а) элементы логики, б) логика и методы наукъ, в) семинарій по новѣйшимъ логическимъ теоріямъ. Въ отдѣлѣ *психологіи*: а) начальный курсъ психологіи, б) курсъ для болѣе подготовленныхъ (включая экспериментальную и физіологическую психологію) и в) психологическій семинарій и занятія въ лабораторіи. Подъ рубрикой *этики* мы находимъ: а) элементы этики, б) христіанскую этику, в) основныя проблемы этики, г) исторію этики, д) практическую или прикладную этику и е) семинарій по этикѣ. Четвертый отдѣлъ (*исторія и философія религіи*) не дифференцированъ; въ пятомъ же (*метафизика и эпистемологія*) указаны курсы: а) систематическая теорія познанія, б) курсъ о раціонализмѣ и эмпиризмѣ, в) курсъ объ интуиціонизмѣ и критицизмѣ и г) семинарій по метафизикѣ.

По *исторіи философіи* указаны курсы: а) исторія древней философіи (Греція, александрійская философія, Римъ), б) особый курсъ, посвященный спеціально сочиненіямъ и философіи Платона и Аристотеля, в) исторія средневѣковой философіи, г) исторія новой философіи, д) современная нѣмецкая, французская и англійская философія, е) текущая философская литература.

Наконецъ, изъ другихъ областей знанія указаны, въ качествѣ дополнительныхъ предметовъ: а) химія и философія химіи (chemistry and chemical Philosophy), б) систематическая физика и основныя теоріи физики, в) физіологія и біологія (включая анатомію мозга), г) особый курсъ по литературѣ (the higher literature) Греціи и Германіи, д) обществовѣдѣніе (political science), политическая экономія, римское и международное право, е) частный, политическій и религіозный бытъ и учре-

---

[1]) При этомъ я оставляю въ сторонѣ всѣ попытки установленія курса „педагогическихъ“ факультетовъ, какъ не имѣющія прямого отношенія къ нашей темѣ.

жденія индусовъ, грековъ и римлянъ, ж) теоретическая и практическая педагогика (The Science and Art of Education).

Курсы, читаемые въ этой школѣ, предназначаются частію для студентовъ (undergraduates) Корнельскаго университета, ищущихъ общаго ознакомленія съ элементами философскихъ наукъ, преимущественно же для лицъ, окончившихъ курсъ (graduates) и желающихъ подготовиться къ общественной службѣ (въ качествѣ пасторовъ, учителей, профессоровъ и т. д.), притомъ имѣющихъ возможность въ теченіе значительнаго періода времени („желательно не менѣе двухъ лѣтъ, при возможности три или даже четыре года", какъ сказано въ проспектѣ) отдаться исключительно изученію философскихъ наукъ. Степень магистра дается послѣ минимумъ одного года, степень доктора послѣ трехъ лѣтъ занятій. При школѣ есть богато обставленная психологическая лабораторія и спеціальная библіотека съ большой комнатой для семинарскихъ занятій. Преподавательскій персоналъ школы состоитъ изъ 11 лицъ съ профессорами: Шурманомъ, Крейтономъ, Тиченеромъ и Сэили (Thily) во главѣ.

Какъ видно изъ сказаннаго, Sage School of Philosophy не вполнѣ аналогична по своимъ задачамъ съ нашими факультетами: она назначается преимущественно для лицъ, уже прошедшихъ университетскій курсъ. Къ тому же я не имѣю указаній относительно того, представляетъ ли весь курсъ школы одно цѣлое или же слушатели могутъ выбирать по ихъ желанію тѣ или другіе курсы въ отдѣльности, а также есть ли въ этомъ отношеніи какія-либо ограниченія (въ смыслѣ порядка слушанія курсовъ и т. д.). Точно такъ же не могу я сказать и того, соотвѣтствуютъ ли читаемые въ этой школѣ курсы по объему и серьезности нашимъ или же представляютъ нѣчто болѣе элементарное.

Однако для нашей цѣли все это имѣетъ второстепенное значеніе: мы имѣемъ русскую попытку установить составъ преподаванія на „философской группѣ" въ томъ „Основномъ планѣ историко-филологическихъ группъ предметовъ преподаванія въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ", о которомъ мы говорили выше.

На выработку московскаго плана затрачена, несомнѣнно, масса труда и творчества; имъ окончательно установлены многія детали организаціи предметной системы.

Вполнѣ признавая это значеніе московскаго плана, я нахожу все-таки, что онъ представляетъ собою въ отдѣлѣ философскихъ наукъ не окончательное рѣшеніе вопроса, а лишь одну изъ стадій

его разработки. Будучи съ нимъ не согласенъ по цѣлому ряду довольно существенныхъ пунктовъ, я позволю себѣ въ дальнѣйшемъ предложить нѣсколько иной планъ организаціи философской группы.

Мы даемъ цѣликомъ часть этого плана, касающуюся философскихъ наукъ. Занятія по этому плану, какъ уже отчасти было указано выше, состоятъ: 1) изъ курсовъ *пропедевтическихъ*, 2) изъ *основныхъ* курсовъ, 3) *семинарій* и 4) *вспомогательныхъ* курсовъ, какъ дополненія и развитія курсовъ основныхъ. Средняя величина каждаго отдѣльнаго курса (лекціоннаго и семинарскаго) принята въ четыре семестровыхъ часа въ недѣлю (или два годовыхъ). Пропедевтическіе и основные курсы, а также семинаріи, перечисленные въ планѣ, обязательны *всѣ*; очевидно, что и „вспомогательные" курсы должны быть прослушаны *всѣ* [1]). Однако, такъ какъ по этимъ курсамъ „испытанія вообще не обязательны" („хотя и могутъ быть назначаемы въ отдѣльныхъ случаяхъ въ той или другой формѣ, напр., при тѣсной связи курса съ предстоящимъ семинаріемъ"), то этотъ пунктъ является однимъ изъ слабыхъ мѣстъ московскаго „плана". Можно поручиться, что—въ виду такой неурегулированности прохожденія „вспомогательныхъ" курсовъ—занятія по большинству (если не по всѣмъ) изъ нихъ сведутся къ одной записи на нихъ, и общіе размѣры *настоящихъ* обязательныхъ занятій упадутъ въ секціи исторіи философіи до 36 часовъ, т. е.—при предположеніи 4-годичнаго прохожденія курса—до 9 часовъ въ годъ (и полугодіе), въ секція психологіи до 38 часовъ (т. е. до $9^1/_2$ часовъ въ годъ) и въ секціи „систематической философіи"—до 40 часовъ (10 часовъ въ годъ). Конечно, эти цифры нѣсколько повысились бы, если бы въ нашихъ университетахъ утвердился болѣе короткій—7 или 6 семестровой курсъ, о которомъ (правда, очень неопредѣленно) упоминается и въ „планѣ": „по отдѣльнымъ группамъ, читаемъ мы тамъ, при комбинаціи очеред-

---

[1]) Это вытекаетъ изъ слѣдующаго. Въ „Объяснительной запискѣ" къ „Основному плану историко-филологическихъ группъ предметовъ преподаванія" мы читаемъ, что „обязательныя занятія по отдѣльнымъ группамъ предположены въ количествѣ приблизительно 15 недѣльныхъ часовъ", т. е., значитъ, 60 часовъ въ четыре года. Но приближающіяся къ этой цифры получаются лишь при признаніи обязательными *всѣхъ* „вспомогательныхъ" курсовъ; однако для секціи исторіи философіи и при этомъ предположеніи получается всего 26 курсовъ, значитъ (при 4-часовой семестровой или 2-часовой годичной нормѣ курса) 52 часа (т. е. лишь по 13 недѣльныхъ часовъ на годъ и на полугодіе): для секціи психологіи 56 часовъ (т. е. по 14 часовъ на годъ) и только для секціи „систематической философіи" 64 часа (т. е. 16 часовъ на годъ).

ныхъ обязательныхъ курсовъ съ неочередными и параллельными возможно прохожденіе курса въ 7 или 6 семестровъ".

Размѣръ обязательныхъ занятій философскими предметами въ 9 или 10 недѣльныхъ часовъ ежегодно самъ по себѣ, какъ мнѣ кажется, совершенно достаточенъ, и на немъ можно было бы остановиться (какъ мы и дѣлаемъ въ проектѣ, предлагаемомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи), если бы онъ дополнялся компактной группой *обязательныхъ* же „вспомогательныхъ" (или, если угодно, „дополнительныхъ") курсовъ, имѣющихъ внутреннюю связность и очевидную практическую цѣль, а не сводящихся къ пестрой мозаикѣ разрозненныхъ отрывковъ— наукъ, обязательныхъ только для „записи" на нихъ (на этомъ я остановлюсь еще въ дальнѣйшемъ). (См. табл. на стр. 26).

IX.

По поводу московскаго плана можно, мнѣ кажется, сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Выдѣленіе въ особую секцію психологіи, конечно, вполнѣ раціонально; но принципъ, на которомъ построены двѣ другія секціи, т. е. противоположеніе „историческаго" трактованія философіи „систематическому" (или, точнѣе, можетъ быть, было бы сказать: теоретическому), представляется намъ неудачнымъ и потому непріемлемымъ. Въ философіи историческій элементъ совершенно неотдѣлимъ отъ теоретическаго. Не будемъ говорить уже объ „эстетической" точкѣ зрѣнія на философію, съ которой каждая философская система представляетъ нѣкоторое художественное произведеніе, нѣкоторый монументъ, заслуживающій изученія, какъ таковой, въ связной законченности изящно построеннаго цѣлаго. Эта точка зрѣнія, называемая иногда еще „монументальной" и имѣющая защитниковъ (напр., на 2-мъ международномъ философскомъ конгрессѣ ее защищалъ итальянскій проф. Кантони), не допускаетъ никакой теоретической философіи помимо этого ряда законченныхъ системъ: каждымъ изучающимъ можетъ быть усвоена, конечно, одна изъ этихъ системъ; но этотъ выборъ можетъ быть сдѣланъ только на основаніи индивидуальныхъ склонностей и вкусовъ, коренящихся въ строѣ всей личности человѣка, а не на основаніи тѣхъ или другихъ логическихъ достоинствъ системы... Оставимъ въ сторонѣ это пониманіе философіи; признаемъ (какъ это и слѣдуетъ), что въ философіи, кромѣ цѣпи философскихъ системъ, есть и запасъ общеобязательныхъ положеній, могущій составить объектъ „систематическаго" (или „теоретическаго") изученія. И все же мы увидимъ, что даже такія основныя теоретическія философскія

Учебный планъ по группѣ философскихъ наукъ, принятый историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета.

Пропедевтическіе курсы.

1. Логика.
2. Психологія. } и гносеологія.
3. Обзоръ философскихъ проблемъ. }
4. Платонъ и Аристотель.
5. Цицеронъ и Лукрецій.

Основные курсы.

1. Исторія древней философіи.
2. „ средневѣковой „
3. „ новой „
4. „ новѣйшей „

а) Секція исторіи философіи:	*б) Секція психологіи:*	*в) Секція систематической философіи:*
5. Исторія восточной философіи. 6. Исторія педагогическихъ ученій. 7. Исторія религіозныхъ идей. 8. Исторія патристической философіи.	5. Психологія. 6. Основы общей педагогики. 7. Педагогическая психологія. 8. Исторія педагогическихъ ученій. 9. Очеркъ физической и духовной стороны явленій языка.	5. Логика. 6. Гносеологія. 7. Этика (основныя проблемы и исторія). 8. Эстетика (теорія и историческій обзоръ). 9. Исторія философскихъ взглядовъ на природу. 10. Исторія религіозныхъ идей.

Семинаріи.

1. Платонъ и Аристотель. 2. Философія до Канта. 3. Кантъ. 4. Философія послѣ Канта. 5. Всеобщая исторія (методологія изученія историческихъ явленій).	1—2. Психологія. 3—4. Экспериментальная психологія. 5. Педагогика.	1. Логика. 2. Гносеологія. 3—5. Прочіе основные предметы.

Вспомогательные курсы.

1. Исторія XVII—XIX вѣковъ.
2. Исторія литературы XVII—XIX вѣковъ.
3. Историческій очеркъ основныхъ ученій наукъ физико-химическихъ.
4. „ „ „ „ „ біологическихъ.

Къ секціи а:	*Къ секціи б:*	*Къ секціи в:*
5. Исторія Греціи. 6. „ греко-римской эпохи. 7. „ средневѣковой культуры. 8. Исторія политическихъ ученій.	5. Анатомія человѣка. 6. Физіологія „ 7. Гистологія. 8. Анатомія и физіологія органовъ чувствъ. 9. Физіологія и гигіена дѣтскаго возраста.	5. Физика. 6. Химія. 7. Общая физіологія. 8. Сокращенный курсъ математики. 9. Исторія математики. 10. Сокращенный курсъ механики и исторія ея принциповъ. 11. Общая теорія права. 12. Этнологія.

дисциплины, какъ „теорія познанія", насквозь пропитаны историческимъ матеріаломъ. Въ любомъ руководствѣ по теоріи познанія на каждомъ шагу встрѣчаются такія выраженія, какъ „раціонализмъ Декарта", „средневѣковый реализмъ", „номинализмъ Беркли", „агностицизмъ Спенсера" и т. д.; масса теоретическихъ терминовъ становятся понятны только при болѣе или менѣе детальномъ знаніи исторіи философіи. Къ философіи можно до извѣстной степени приложить то, что говорится иногда о соціологіи: соціологическіе законы очень трудно установить, а потому ихъ даютъ, такъ сказать, *почувствовать* на конкретномъ матеріалѣ, заставляютъ каждаго изучающаго исторію самого отыскивать ихъ въ конкретной дѣйствительности той или другой эпохи. И какъ соціологію преподаютъ такимъ образомъ „подъ схемой времени" въ видѣ исторіи, такъ и философію, основные законы ея развитія, ея внутренній строй и взаимоотношенія ея частей, ея основные типы и точки зрѣнія слѣдуетъ въ значительной степени почерпать изъ исторіи философіи.

Повидимому, невозможность раздѣленія этихъ элементовъ была въ нѣкоторыхъ случаяхъ не чужда и мысли авторовъ московскаго плана. Такъ, напримѣръ, относительно этики и эстетики они прямо указываютъ, что эти дисциплины будутъ преподаваться какъ теоретически, такъ и исторически.

Наконецъ, можно спросить: заслуживаетъ ли секція „*систематической* философіи" своего названія, если изъ 10 входящихъ въ нее основныхъ курсовъ 6 *чисто историчны* (исторія древней, средневѣковой, новой и новѣйшей философіи, исторія философскихъ взглядовъ на природу и исторія религіозныхъ идей), 2 *полуисторичны, полутеоретичны* (этика и эстетика) и только 2 *чисто теоретичны* (логика и гносеологія)? Но можно утверждать съ полнымъ правомъ, что и эти послѣднія дисциплины нельзя, какъ слѣдуетъ, преподать, не введя студента въ ихъ исторію...

Всѣ эти недоумѣнія объясняются тѣмъ, что въ основаніе дѣленія былъ положенъ такой принципъ, по которому въ данномъ случаѣ произвести дѣленіе неудобно. Повидимому, гораздо болѣе цѣлесообразнымъ было бы положить въ основу раздѣленія этихъ секцій (поскольку онѣ различны) другой принципъ—различіе между философіей *наукъ о природѣ* и философіей *наукъ о культурѣ и обществѣ*,—при сохраненіи, конечно, въ обѣихъ, въ качествѣ связующаго цемента, философской теоріи познанія и исторіи философіи.

Такое дѣленіе, по нашему мнѣнію, имѣло бы въ своей основѣ

болѣе существенный признакъ и, слѣдовательно, было бы болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ противоположеніе историческаго и теоретическаго трактованія однихъ и тѣхъ же проблемъ.

Правда, историки философіи часто ставятъ въ очень тѣсную связь общественныя ученія философовъ съ ихъ общей теоретической философіей. Но сплошь и рядомъ эта тенденція оказывается вредной и искажаетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ: общественныя теоріи въ гораздо большей степени объясняются изъ связи со всею совокупностью общественно-историческихъ условій, чѣмъ изъ теоретическихъ построеній ихъ авторовъ: онѣ тѣснѣе связаны съ исторіей эпохи, въ которую онѣ возникли, чѣмъ съ моментами *чисто* логическими, совершенно независимыми отъ условій данной дѣйствительности. Правда, иногда философы сами стараются представить свои общественныя воззрѣнія въ видѣ системы положеній, дедуктивно выведенныхъ изъ ихъ теорій общаго характера. Но на этомъ пути ихъ почти всегда постигаетъ неудача, особенно отчетливо замѣтная, напр., у Канта [1]).

И мнѣ кажется, что, если бы въ московскомъ планѣ былъ принятъ предлагаемый мною принципъ, то при составленіи программы секціи исторіи философіи оказалось бы возможнымъ обойтись безъ нѣсколько страннаго на первый взглядъ набора, въ видѣ „основныхъ“ курсовъ, какихъ-то разрозненныхъ „остатковъ“ изъ исторіи философіи (исторія восточной философіи, исторія педагогическихъ ученій, исторія религіозныхъ идей, исторія патристической философіи); а то получается впечатлѣніе, какъ будто придумывали, что бы еще помѣстить „историческое“ въ секцію исторіи философіи...

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію предлагаемаго мною проекта „философской группы“, я позволю себѣ указать на нѣкоторыя другія недоумѣнія, возбуждаемыя московскимъ планомъ.

Прежде всего, слѣдуетъ, кажется, пожалѣть о томъ, что московскій планъ не ввелъ въ число „пропедевтическихъ“ (обязательныхъ для всѣхъ трехъ секцій философской группы) курса, въ столь высокой

---

[1]) Проявленіемъ здоровой реакціи противъ этой разновидности „интеллектуализма“ въ общественной философіи является недавно вышедшая талантливо (хотя и съ нѣкоторыми преувеличеніями) написанная книга г. *Е. Спекторскаго*: Очерки по философіи общественныхъ наукъ. Выпускъ I: Общественныя науки и теоретическая философія (Варшава. 1907), авторъ которой поставилъ себѣ цѣлью доказать, что въ дѣйствительности общественныя науки развивались всегда независимо отъ построеній теоретической философіи.

степени образовательнаго, какъ общее языковѣдѣніе [1]). Студенты философской группы, имѣющіе такъ много дѣла съ идеями, теоріями, должны быть всѣ ознакомлены съ основными принципами языковѣдѣнія, съ основными законами языка, этого важнѣйшаго и необходимаго орудія отвлеченной мысли.

Что касается до „основныхъ“ курсовъ, то я указалъ уже на желательность выдѣленія всѣхъ педагогическихъ курсовъ изъ секціи психологіи и на иной принципъ для установленія двухъ другихъ секцій (детали ниже, въ предлагаемомъ мною проектѣ организаціи философской группы).

Объ отдѣльныхъ курсахъ изъ числа „основныхъ“ можно сказать слѣдующее: двухчасовой годичный курсъ исторіи средневѣковой философіи слишкомъ великъ сравнительно съ важностью этого періода философіи, со степенью его разработанности въ наукѣ, доступностью источниковъ и т. д. Поэтому намъ кажется болѣе удобнымъ просто отвести 4 годовыхъ часа на исторію древней и средневѣковой философіи вмѣстѣ, предоставивъ распредѣленіе матеріала въ этихъ рамкахъ самому преподавателю. Желательно, чтобы преподаваніе древней и средневѣковой философіи было сосредоточено въ однихъ рукахъ: хотя средневѣковая философія развивается въ средѣ новыхъ народовъ, но по своимъ основнымъ точкамъ зрѣнія, источникамъ, матеріалу, методамъ она стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ исторіей античной философіи. Поэтому личная унія курсовъ въ этомъ отношеніи послужила бы на пользу преподаванія.

Къ этой группѣ курсовъ надо отнести и исторію восточной философіи, преимущественно, конечно, индусской, по которой мы имѣемъ теперь такіе труды, какъ „Всеобщую исторію философіи“ *Дейссена*, и введеніе которой въ университетское преподаваніе представляется, по нашему мнѣнію, дѣломъ ближайшаго будущаго.

Такимъ образомъ, въ составъ курсовъ древней и средневѣковой философіи вошли бы: исторія восточной философіи, исторія греческой и греко-римской языческой философіи, исторія патристической и схоластической (христіанской, арабской и еврейской) философіи. Изъ этого обширнаго цѣлаго каждый преподаватель могъ бы выдѣлять матеріалъ, сообразно своимъ вкусамъ и подготовкѣ, расширяя свои

---

[1]) Оно стоитъ, подъ названіемъ „Очеркъ физической и духовной стороны явленій языка“, только въ секціи психологіи, въ качествѣ одного изъ основныхъ курсовъ.

курсы изъ древней греческой философіи, какъ изъ центра, либо на древній Востокъ, либо на средневѣковье.

Далѣе, въ московскомъ планѣ нельзя признать удачнымъ и то, что въ число „основныхъ“ курсовъ секціи „систематической“ философіи введенъ курсъ „исторіи философскихъ взглядовъ на природу“, а въ числѣ „вспомогательныхъ“ стоятъ такіе курсы, какъ „историческій очеркъ основныхъ ученій наукъ физико-химическихъ“, „историческій очеркъ основныхъ ученій наукъ біологическихъ“ и „исторія принциповъ механики“. Несомнѣнно, что основной курсъ будетъ читаться философомъ; вспомогательные же (въ виду ихъ болѣе спеціально-научнаго содержанія), вѣроятно, соотвѣтствующими спеціалистами. И можно быть увѣреннымъ, что такое удвоенное преподаваніе одного и того же приведетъ къ цѣлому ряду частію повтореній, частію недоразумѣній...

Нельзя не пожалѣть также, что 10-й изъ основныхъ курсовъ секціи *систематической* философіи посвященъ только „исторіи религіозныхъ идей“. А гдѣ же психологія религіи, гдѣ гносеологическій анализъ религіознаго опыта, религіознаго мышленія, какъ нельзя болѣе умѣстный именно въ секціи „систематической“ философіи?..

Въ отдѣлѣ „семинаріи“ секціи исторіи философіи недоумѣніе возбуждаетъ курсъ, названный: „Всеобщая исторія (методологія изученія историческихъ явленій)“. Во-первыхъ, неясно, о методологіи *какихъ* историческихъ явленій идетъ рѣчь? Если (такъ сказать) *обще-соціальныхъ*, то врядъ ли такой *семинарскій* курсъ будетъ полезенъ студентамъ философіи, не прошедшимъ политической экономіи и другихъ вспомогательныхъ для исторіи наукъ и не работавшимъ надъ семинарскимъ изученіемъ по источникамъ *этихъ обще-соціальныхъ явленій, какъ таковыхъ*. Одна методологія безъ знакомства съ матеріаломъ врядъ ли можетъ принести пользу учащемуся. Во-вторыхъ, неясно, почему такой курсъ долженъ быть именно семинарскимъ, а не лекціоннымъ.

Большія недоумѣнія возбуждаетъ затѣмъ отдѣлъ „вспомогательныхъ“ курсовъ. Ко всѣмъ этимъ курсамъ приложимы нѣкоторыя общія замѣчанія. Составъ ихъ слишкомъ пестръ: они набраны изъ слишкомъ различныхъ отраслей фактическаго знанія. Далѣе при предполагаемомъ размѣрѣ этихъ курсовъ (4 полугодовыхъ или 2 годовыхъ часа) врядъ ли они осуществимы. Можно ли дѣйствительно *филологу* въ 2 годовыхъ часа пройти, напр., *университетскій* курсъ физики или химіи? Или: что долженъ представлять собою курсъ „гистологіи“?.. Если въ него должно входить только то, что необходимо, въ качествѣ

вспомогательнаго матеріала, для изученія психологіи (особенно, конечно, гистологическое строеніе нервной системы и отчасти органовъ чувствъ), то 2-хъ-часового годичнаго курса слишкомъ много. Если же это *общій курсъ* гистологіи, то позволительно спросить, можетъ ли такой курсъ быть *дѣйствительно усвоенъ* человѣкомъ, главные интересы и занятія котораго лежатъ въ другой области, и какъ ляжетъ въ его головѣ этотъ случайный обрывокъ изъ чуждой ему области *фактическаго* знанія? Вообще списокъ „вспомогательныхъ" курсовъ секціи психологіи сдѣланъ по слишкомъ широкому и не совсѣмъ, какъ мнѣ кажется, въ данныхъ условіяхъ пригодному масштабу.

Далѣе, почему, напр., въ секціи исторіи философіи рядомъ съ „исторіей Греціи" и „греко-римской эпохи" (надо ли здѣсь разумѣть и исторію Рима?) стоитъ не „исторія среднихъ вѣковъ", а „исторія средневѣковой культуры"? Неужели надо опять поднимать всѣ безконечные (въ свое время очень интересные) споры о томъ, что такое „культура", „культурная исторія"? По смыслу плана выходитъ, что въ исторіи Греціи и „греко-римской эпохи" будетъ изучаться не „культура" (или не только культура). И что такое „культура" среднихъ вѣковъ? почему то, что есть въ среднихъ вѣкахъ помимо „культуры" (очевидно, нѣчто есть), менѣе достойно изученія, чѣмъ „культура" этой эпохи?..

Наконецъ, большое недоумѣніе возбуждаютъ „сокращенные курсы" такихъ наукъ, какъ математика и механика (если только мы правильно понимаемъ смыслъ того, что рекомендуется планомъ). Всѣ мы знаемъ „краткія грамматики", „краткіе катехизисы", „сокращенные начатки христіанскаго вѣроученія"; однако все это пособія для начальныхъ школъ, куда наука доходитъ лишь черезъ очень тусклое стекло... Но что такое „сокращенные курсы" математики или механики въ высшей школѣ? Я не знаю, дѣлались ли уже попытки выработать такіе „сокращенные курсы" для университета; но я убѣжденъ, что всѣ такіе попытки обречены на вполнѣ заслуженное фіаско [1].

---

[1]) Въ расписаніи занятій философской группы на $1907/_8$ уч. годъ рекомендація „вспомогательныхъ" курсовъ по наукамъ другихъ факультетовъ предоставлена личнымъ указаніямъ профессоровъ („сверхъ того, читаемъ мы тамъ, курсы физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ по указаніямъ профессоровъ"). И этотъ исходъ намъ представляется совершенно неудобнымъ. На профессоровъ возлагается обязанность знать *характеръ* каждаго читаемаго на другихъ факультетахъ курса; кромѣ того, вносится субъективный элементъ въ постановку всего дѣла; не говоримъ уже о томъ, что, по нашему мнѣнію, основная задача „философской группы" совсѣмъ

Таковы сомнѣнія, приходящія въ голову по поводу московскаго плана.

Что на проектъ, долженствующій имѣть практическое примѣненіе, дѣлаются замѣчанія и возраженія, это, конечно, естественно: нѣтъ ни одной практической цѣли, къ которой велъ бы одинъ только путь,— всегда есть нѣсколько путей, изъ которыхъ каждый имѣетъ и свои достоинства, и свои недостатки, а слѣдовательно будетъ вызывать и возраженія. Но въ данномъ случаѣ возраженія исходятъ изъ *основныхъ* пороковъ плана: а) изъ его пестроты, б) изъ того, что группировка философскихъ наукъ по принципамъ „историчности" и „теоретичности" не выдерживаетъ критики.

X.

Какую же организацію должна получить „философская группа" на историко-филологическихъ факультетахъ?

Детали такой организаціи зависятъ отъ множества мѣстныхъ и временныхъ условій: отъ количества преподавателей, отъ характера составленныхъ ими курсовъ и направленія ихъ спеціальныхъ интересовъ и занятій, отъ числа и запросовъ студентовъ и т. д. Однако, можно, повидимому, установить нѣкоторыя общія положенія, обусловливаемыя частію свойствомъ изучаемыхъ на философской группѣ наукъ, частію нѣкоторыми требованіями практики, которыми въ этомъ вопросѣ также не слѣдуетъ пренебрегать.

Начну съ одного изъ такихъ требованій, связываемаго мною съ постановкой „вспомогательныхъ" курсовъ. При современномъ положеніи средняго образованія трудно представить себѣ, чтобы учитель средней школы могъ существовать преподаваніемъ однихъ философскихъ наукъ: хотя бы онъ прошелъ курсъ историко-филологическаго факультета по философской группѣ, несомнѣнно, ему придется, кромѣ „философской пропедевтики" и педагогики, преподавать еще либо русскій языкъ, либо исторію съ географіей. И вотъ, для подготовки къ этой дѣятельности и могли бы съ успѣхомъ послужить „вспомогательные курсы". Но для этого нужно, чтобы подъ этой рубрикой фигурировалъ не рядъ разрозненныхъ курсовъ самаго разно-

---

другая: мы должны *не отсылать* нашихъ студентовъ на другіе факультеты, а *призвать* на свой факультетъ *философовъ* изъ числа научныхъ спеціалистовъ, преподающихъ на другихъ факультетахъ.

образнаго содержанія, а *компактные циклы* лекцій и практическихъ занятій по наукамъ историческимъ и словесно-литературнымъ. Какого размѣра будутъ эти циклы, это вопросъ особый. Мнѣ кажется, приблизительную величину ихъ можно было бы установить, напр., такъ: за нормальное число недѣльныхъ часовъ въ теченіе каждаго года 4-го годичнаго университетскаго курса принять 18 (т. е. 72 часа въ четыре года); ежегодно 10 часовъ (т. е. въ четыре года 40 часовъ) отвести на занятія пропедевтическими и основными философскими курсами и семинаріями; а въ остальные 8 часовъ ежегодно (32 часа въ четыре года) уложить рядъ систематическихъ курсовъ и семинаріевъ либо по исторіи, либо по русскому языку и литературамъ (русской и иностраннымъ). Студенты могли бы брать одинъ изъ этихъ цикловъ „вспомогательныхъ курсовъ“, т. е. либо исторію, либо русскій языкъ и литературы по ихъ собственному выбору. Специалисты, вѣроятно, не отказались бы составить списокъ курсовъ и практическихъ занятій, необходимыхъ для того, чтобы прошедшій ихъ студентъ философской группы могъ впослѣдствіи преподавать исторію или „русскій языкъ“. Если бы студенты философской группы даже чего-нибудь, такъ сказать, не добрали сравнительно съ тѣми, которые прошли курсъ по группамъ всеобщей или русской исторіи, или по литературѣ, то, несомнѣнно, у нихъ былъ бы значительный плюсъ, вынесенный ими изъ ихъ философскихъ занятій. И такая варіація типа преподавателя была бы, несомнѣнно, крайне желательной у насъ, гдѣ не только въ средней школѣ, но подчасъ и въ университетѣ господствуетъ мертвый шаблонъ. Стремясь къ полному однообразію— къ тому, чтобы всѣ представители данной спеціальности знали одно и то же, прослушали одни и тѣ же курсы, сдали одни и тѣ же экзамены, вовсе не считаются съ индивидуальностями будущихъ учителей и оставляютъ лежать втунѣ таланты тѣхъ изъ будущихъ учителей исторіи или словесности, симпатіи которыхъ лежатъ преимущественно въ области отвлеченной мысли, въ сферѣ философской критики, этической рефлексіи, исторіи человѣческаго мышленія.

Тѣмъ студентамъ, которые не желаютъ вооружаться ни исторической, ни словесно - литературной подготовкой къ учительству, можно было бы предоставить составлять самимъ менѣе систематическіе циклы „вспомогательныхъ“ курсовъ въ родѣ тѣхъ, какіе указаны въ московскомъ планѣ. Тутъ былъ бы значительный просторъ всякимъ индивидуальнымъ склонностямъ; одинъ могъ бы соединить съ философскими науками рядъ курсовъ по политической экономіи,

другой—по государствовѣдѣнію, третій—по тѣмъ или другимъ естественнымъ наукамъ и т. д.

Перехожу теперь къ вопросу о содержаніи и характерѣ „основныхъ курсовъ“ философской группы. Каковы должны быть эти курсы и сколько секцій и какія можно было бы установить въ составѣ „философской группы“? Практически этотъ вопросъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ опять же рѣшаться на основаніи мѣстныхъ условій—и преимущественно въ зависимости отъ количества и спеціальностей лицъ преподавательскаго персонала. Однако, отвлекаясь отъ конкретныхъ условій, мнѣ казалось бы наиболѣе удобнымъ, какъ я уже говорилъ выше, образованіе трехъ секцій: 1) психологіи, 2) философіи наукъ о природѣ и 3) общественной философіи или философіи наукъ объ обществѣ и культурѣ.—Что касается до *психологической* секціи, то я не могу согласиться съ московскимъ планомъ по вопросу о включеніи въ нее педагогическихъ курсовъ. Педагогическія дисциплины не должны замыкаться въ одну секцію; онѣ должны (въ нѣкоторомъ небольшомъ объемѣ) быть, если не обязательны, то желательны и рекомендуемы *всѣмъ* студентамъ не только историко-филологическаго, но и физико-математическаго факультета. Въ случаѣ же обилія въ томъ или другомъ университетѣ преподавателей педагогическихъ дисциплинъ, слѣдуетъ образовывать спеціальныя „педагогическія“ группы, на которыхъ студенты знакомились бы не только съ психологической педагогикой и исторіей педагогическихъ ученій, но и съ исторіей *школъ* и *воспитанія*, какъ одной изъ сторонъ общаго историческаго процесса, учились бы работать въ этой области по источникамъ (очень мало еще разработаннымъ). Составъ курса такихъ „педагогическихъ“ группъ долженъ, по моему мнѣнію, значительно отличаться отъ основного типа „философской группы“; но это вопросъ особый, и я пройду здѣсь мимо него. Если бы удалось серьезно поставить такую „педагогическую группу“ хотя бы въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, то мы могли бы имѣть дѣйствительно солидныхъ и знающихъ преподавателей педагогики, а также подготовленныхъ изслѣдователей и практиковъ школьнаго дѣла.

За выдѣленіемъ педагогическихъ дисциплинъ изъ *секціи психологіи*, въ послѣдней могли бы найти себѣ мѣсто—по естественному сродству наукъ—съ одной стороны, эстетика (теорія эстетики, экспериментальная эстетика и историческій обзоръ эстетическихъ ученій), а съ другой—основы анатоміи и физіологіи человѣка, и преимущественно нервной системы и органовъ чувствъ.

Что касается до секцій *философіи наукъ о природѣ* и *философіи наукъ объ обществѣ и культурѣ*, то вопросъ о составѣ ихъ требуетъ болѣе детальнаго разсмотрѣнія. Что такое философія вообще?... На этотъ вопросъ, какъ и на всѣ подобные (что такое право? что такое нравственность? что такое религія? и т. д.), есть масса противорѣчивыхъ отвѣтовъ и ни одного всѣми признаннаго. Поэтому здѣсь есть возможность приводить свои личныя соображенія, давать свои собственные отвѣты. Мнѣ кажется, можно сказать такъ: подъ „философіей" въ широкомъ смыслѣ разумѣютъ *исторически* (помимо всякой строгой логической классификаціи) сложившійся „блокъ" дисциплинъ, характерной чертой котораго является то, что во всѣхъ нихъ фигурируетъ понятіе сознанія, *субъекта*—самого ли по себѣ или же въ его отношеніи къ „объекту". Психологія изучаетъ сознаніе, субъективную жизнь, какъ таковую, въ ней самой. Логика изслѣдуетъ мышленіе и познаніе и вырабатываетъ практическія правила для познавательной дѣятельности. Этика занимается вопросомъ объ основахъ и цѣнности дѣятельности субъекта въ ея цѣломъ. Теорія познанія изучаетъ самыя понятія субъекта, объекта и ихъ отношенія въ познаніи, изслѣдуетъ основные законы познанія, его послѣдній составъ, его типы, его условія и предпосылки. Метафизика представляетъ совокупность гипотезъ, посредствомъ которыхъ субъектъ—при помощи аналогіи—пытается истолковать „объектъ", трансcубъективную и трансцендентную дѣйствительность...

Если выдѣлить изъ „философіи" психологію, логику (и отчасти этику), какъ уже сложившіяся спеціальныя науки, т. е. если взять „философію" въ болѣе узкомъ смыслѣ, то она будетъ состоять изъ двухъ частей: аналитической и конструктивной, т. е. теоріи познанія, къ которой примкнутъ нѣкоторые отдѣлы логики (особенно логика наукъ), и метафизики, съ которой родственны по характеру теоріи религіозной философіи и нѣкоторыя другія.

Изучать „конструктивную" философію можно только въ ея исторіи: въ этой области нѣтъ одной сколько-нибудь обязательной доктрины. Но въ теоріи познанія такіе общеобязательные элементы есть, а потому ее можно изучать не только исторически, но и теоретически. И вотъ, на базисѣ теоріи познанія, на этой „аналитической философіи"—въ ея примѣненіи къ двумъ главнымъ областямъ человѣческаго познанія: къ *природѣ* и *культурѣ*—и можно было бы основать тѣ двѣ „секціи" философской группы, о которыхъ мы говорили.

Съ этой своей, аналитической стороны философія есть *всеобщая*

3*

методологія, притомъ такая, которая ставитъ себѣ цѣлью во всякомъ вопросѣ дойти до его послѣднихъ элементовъ. Каждая наука соприкасается въ этомъ смыслѣ съ философіей, даже прямо содержитъ въ себѣ философскіе элементы—постольку, поскольку идетъ дѣло объ *основныхъ понятіяхъ*, *аксіомахъ*, *опредѣленіяхъ*, *постулатахъ*, *предпосылкахъ* данной науки, о ея *методологіи* въ самомъ широкомъ значеніи этого термина. Что съ вопросами научнаго познанія постоянно приходится сталкиваться въ исторіи философіи, это извѣстно каждому. Многіе философы были въ то же самое время и математиками, механиками, физиками, біологами и т. д.; поэтому при изученіи ихъ философскихъ воззрѣній всегда приходится имѣть дѣло и съ ихъ научными теоріями. Стоитъ взять Декарта, Лейбница, Канта, чтобы видѣть, что въ ихъ философіи вопросы научной методологіи играютъ огромную роль. Мало того, въ самой теоріи познанія, кромѣ ея общей части, не связанной ни съ какой изъ спеціальныхъ наукъ въ отдѣльности, есть большая область, состоящая изъ анализа, критики и исторіи основныхъ понятій какъ разъ именно всѣхъ спеціальныхъ наукъ.

Такимъ образомъ, философская теорія познанія и философская методологія отдѣльныхъ наукъ о природѣ очень хорошо дополняютъ другъ друга и могутъ составить основаніе для особой „секціи философіи наукъ о природѣ" въ составѣ философской группы.

Само собою разумѣется, что курсы по „философіямъ" отдѣльныхъ группъ наукъ должны читаться не „философами", а тѣми изъ спеціалистовъ по даннымъ отраслямъ знанія, которымъ не чуждъ духъ философской методологіи, которые не зарываются въ мелкія детали своей науки, а имѣютъ ее всегда въ виду, какъ цѣлое, интересуются критикой ея основныхъ понятій, смѣной послѣднихъ въ историческомъ процессѣ, исторіей главныхъ открытій въ данной области и т. д. При условіи проведенія во всѣхъ такихъ курсахъ этого *философскаго* духа, при постоянномъ вниманіи въ данной наукѣ преимущественно къ создавшей ее дѣятельности человѣческаго *мышленія* и *познанія*—рядъ такихъ курсовъ, хотя бы они касались *различныхъ* группъ наукъ, составитъ тѣмъ не менѣе одно *внутренно объединенное* цѣлое: это будутъ нѣсколько главъ, съ одной стороны, изъ детально развитой философской и „научно"-философской теоріи познанія, а съ другой—изъ исторіи философіи (въ которую вводится обычно и исторія наукъ, правда, по большей части въ отрывочномъ и несистематическомъ видѣ). Спаянные, въ теоретическомъ отношеніи, философской теоріей познанія, а въ историческомъ—исторіей философіи и наукъ, всѣ эти курсы

систематически введутъ изучающаго въ сферу „науки“, какъ высшаго проявленія познавательной дѣятельности человѣчества.

Надо имѣть въ виду, что—при теперешней постановкѣ философіи въ университетахъ—преподаватели ея находятся въ отчаянномъ положеніи. Чтобы какъ слѣдуетъ выполнить свою задачу, они должны отчетливо изложить и разобрать и механическія теоріи Декарта и Канта, и астрономическія гипотезы того же Канта, и теоретическія построенія многихъ физиковъ, химиковъ, біологовъ, фигурирующія въ исторіи философіи. Между тѣмъ, сдѣлать это сколько-нибудь удовлетворительно немыслимо безъ знанія *современнаго состоянія* каждой изъ этихъ наукъ и безъ связнаго и сплошного представленія объ *исторіи* ихъ основныхъ теорій. И преподаватель философіи, не владѣющій ни тѣмъ, ни другимъ, оказывается сплошь и рядомъ въ безпомощномъ положеніи. Этимъ, на мой взглядъ, объясняется встрѣчаемая нерѣдко узость и сухость преподаванія философіи. Напротивъ, соединенныя усилія цѣлаго ряда спеціалистовъ, имѣющихъ, повторяю, въ виду *философскую*, познавательную (не объективную или космологическую) сторону своихъ наукъ, могли бы (будучи объединены и связаны серьезнымъ прохожденіемъ философской теоріи познанія и исторіи философіи) дать богатое содержаніемъ и стоящее на уровнѣ современныхъ научныхъ требованій цѣлое [1]). И это цѣлое было бы, благодаря своей связности, безконечно выше тѣхъ отрывочныхъ и не имѣющихъ философскаго характера курсовъ, какими, къ сожалѣнію, полонъ московскій „планъ“ (въ немъ, какъ мы видѣли, есть и физика, и химія, и общая физіологія, и „сокращенный курсъ математики“, и „сокращенный курсъ механики“, и этнологія, и общая теорія права).

Подобнымъ же образомъ секція *общественной* философіи могла бы быть построена на изученіи методологіи, теоріи и исторіи наукъ общественныхъ, гуманитарныхъ (или „наукъ о культурѣ“). Въ нее вошли бы

---

[1]) Замѣчу, что курсы по естествознанію, предназначаемые для студентовъ *всѣхъ факультетовъ*, далеко не рѣдкость въ нѣмецкихъ университетахъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ общій, философскій, другіе прикладной характеръ. Такъ, въ Verzeichniss der Vorlesungen Берлинскаго университета на предстоящій зимній семестръ 1907—8 учебнаго года я нашелъ слѣдующіе курсы für Studierende (Hörer) aller Facultäten: 1) Введеніе въ біологію *Гертвига*, 2) Мозгъ и душа *Николаи*, 3) Нервная гигіена и нервная діэтетика *Эйленбурга*, 4) Половыя болѣзни, ихъ опасности и предохраненіе отъ нихъ *Лессера*, 5) Значеніе и профилактика венерическихъ и другихъ распространенныхъ въ народѣ болѣзней *Лассара*, 6) Формированіе и рожденіе человѣка *Трассмана;* кромѣ того, цѣлый рядъ курсовъ по гигіенѣ, курсы по „общедоступной астрономіи“, исторіи общей біологіи и др.

„философія“ [1]) исторіи, „философія“ [1]) права (общая теорія его, исторія философіи права), этика (теоретическій анализъ и исторія нравственности и этическихъ теорій), исторія религій и философія религіи, а также, напримѣръ, „введеніе въ соціологію“ или „философія явленій экономическихъ (въ связи съ исторіей политической экономіи)“ и другіе спеціальные курсы по философіи общественныхъ наукъ.

Мнѣ кажется, что установленіе такого рода связи между собственно философіей и спеціальными науками, обоснованіе преподаванія философіи на философіи наукъ, вполнѣ отвѣчаетъ запросамъ современной намъ эпохи. Было время, когда философы хотѣли просвѣщать представителей спеціальныхъ наукъ; они дали рядъ крайне важныхъ и полезныхъ общихъ идей, но въ то же время впадали въ разнаго рода ошибки, обусловленныя тѣмъ, что они далеко не въ достаточной мѣрѣ владѣли фактическимъ матеріаломъ тѣхъ наукъ, о которыхъ они говорили. Это вызвало совершенно законную реакцію, и наука отвернулась отъ философіи... Но и эта эпоха прошла: философія стала яснѣе понимать свою собственную структуру, свою собственную методику,—изъ построительной она стала по преимуществу аналитической, критической. И тогда въ самой наукѣ, внутри ея просыпается сознаніе необходимости философскаго отношенія къ ея собственному матеріалу. Прежде философія подчасъ насильно вторгалась въ науку; теперь сама наука проникается до извѣстной степени философскими точками зрѣнія: сама наука создаетъ философію или, точнѣе, рядъ спеціальныхъ научныхъ философій, сводимыхъ въ одно цѣлое философской теоріей познанія. Совершенно справедливо отмѣчаетъ эту черту нашего времени, это взаимопроникновеніе философіи и науки профессоръ *Файхингеръ* въ своей недавно вышедшей книгѣ: Die Philosophie in der Staatsprüfung [2]). „Естественнымъ наукамъ и наукамъ о духѣ, говоритъ онъ, противостоитъ, въ качествѣ ихъ общаго принципа, всеобщая наука о принципахъ—философія. Вездѣ понятія и аксіомы отдѣльныхъ наукъ вторгаются изъ своей области въ науку о принципахъ: понятія пространства, времени, матеріи, движенія, причинности,

---

[1]) Употребляю здѣсь этотъ терминъ въ самомъ общемъ смыслѣ, не понимая подъ нимъ никакой опредѣленной теоріи.

[2]) *H. Vaihinger.* Die Philosophie in der Staatsprüfung. Winke für Examinatoren und Examinanden. Zugleich ein Beitrag zur Frage der philosophischen Propaedeutik. Nebst 340 Thematen zur Prüfungsarbeiten. Berlin. 1906. Reuther und Reichard. Въ этой книгѣ много интереснаго матеріала также по вопросу о государственныхъ испытаніяхъ и о роли въ нихъ философіи.

жизни, цѣли, дѣйствія, нравовъ и нравственнаго настроенія, историческаго развитія, цѣнности, разума, языка и т. д.—всѣ эти понятія, на которыхъ отдѣльныя науки либо основываются, либо къ которымъ онѣ подводятъ, требуютъ принципіальнаго и общаго выясненія, и какъ разъ такое выясненіе ихъ и называется философіей. Собственно говоря, вмѣсто столь часто повторяемаго вопроса: „Можемъ ли мы, изслѣдователи въ области спеціальныхъ наукъ, придти къ занятіямъ философіей?“ надо предлагать другой, обратный ему: „Можно ли основательно разрабатывать какую-либо спеціальную науку, не переходя *изъ нея*, или даже *уже въ ней самой*, къ философіи?“... Въ философію необходимо впадаютъ всѣ спеціальныя науки, разъ онѣ разрабатываются основательно... всѣ дороги ведутъ къ философіи, если только на этихъ дорогахъ не стоять на одномъ мѣстѣ, а безъ устали и бодро идти впередъ“...

И послѣ цѣлаго ряда очень интересныхъ замѣчаній о значеніи исторіи философіи (и науки) и другихъ философскихъ дисциплинъ для преподавателя средней школы (особенно обращу вниманіе на стр. 19—20), Файнгеръ въ другомъ мѣстѣ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ проявленія философскихъ интересовъ новѣйшими учеными самыхъ различныхъ спеціальностей. Метагеометры, Гельмгольцъ, Георгъ Канторъ, Оствальдъ, Махъ, Сталло, Герцъ, Геккель, неовиталисты, Вундтъ—въ наукахъ естественныхъ; Лампрехтъ, Бернхеймъ и другіе историки, цѣлый рядъ языковѣдовъ, историковъ литературы, богослововъ—всѣ они занимаются, каждый въ своей области, философской задачей критики и реконструкціи основныхъ понятій. Списокъ этотъ можно въ наше время увеличить ad libitum; стоитъ припомнить, положимъ, еще огромную школу математическихъ логиковъ и философовъ-математиковъ, Ферворна, Клиффорда, Клейнпетера и многихъ, многихъ другихъ.

Съ нѣкотораго времени, говоритъ Файнгеръ, философскій интересъ рѣшительно растетъ, отличаясь при этомъ здоровымъ характеромъ и естественной силой; и этотъ симптомъ здоровья состоитъ въ томъ, что философскіе запросы выростаютъ изъ самихъ спеціальныхъ наукъ. „Какой богатый импульсъ, какой расцвѣтъ обѣщаетъ философіи казалось отмершій многовѣтвистый стволъ спеціальныхъ наукъ!“

И философское преподаваніе, если оно не хочетъ безнадежно отстать отъ современнаго положенія самой философіи, должно обогатить себя научно-философскимъ матеріаломъ, не жертвуя, конечно, своими собственными аналитико-методологическими принципами и точками

зрѣнія, на которыя впрочемъ теперь уже и не посягаетъ ни одна изъ спеціальныхъ наукъ.

Но совершенно очевидно, съ другой стороны, что эта задача не можетъ быть выполнена силами однихъ „чистыхъ“ философовъ: она возможна лишь при планомѣрно координированномъ сотрудничествѣ ихъ—скажемъ, съ „философами наукъ“.

Приведу еще замѣчанія по тому же вопросу *Э. Маха* изъ его статьи: Philosophisches und naturwissenschaftliches Denken, помѣщенной въ сборникѣ его этюдовъ, озаглавленномъ Erkenntniss und Irrtum.

Указавъ на различія между мышленіемъ *философа* и *спеціальнаго изслѣдователя* (съ которыми, правду сказать, не во всемъ можно согласиться), Махъ говоритъ: „Конечная цѣль всякаго изслѣдованія одна и та же („оріентированіе въ мірѣ“—die Weltorientierung). Это проявляется также и въ томъ, что величайшіе философы, какъ Платонъ, Аристотель, Декартъ, Лейбницъ и другіе, открыли новые пути также и для спеціальныхъ изслѣдованій, какъ, съ другой стороны, такіе изслѣдователи, какъ Галилей, Ньютонъ, Дарвинъ, не называясь философами, могущественно содѣйствовали прогрессу философскаго мышленія. Разница въ постановкѣ вопроса философомъ и спеціальнымъ изслѣдователемъ „не должна мѣшать, и фактически не мѣшаетъ, имъ учиться другъ у друга. Своими многочисленными попытками синтеза наиболѣе общихъ чертъ широкихъ областей бытія философія пріобрѣла богатый опытъ въ этомъ отношеніи; мало по малу она научилась даже частично сознаваться въ своихъ ошибкахъ и избѣгать ихъ,—тѣхъ ошибокъ, въ которыя еще и *по сейчасъ* почти неизбѣжно впадаетъ не прошедшій философской школы естествоиспытатель“. Однако, кромѣ этой критической заслуги, „философское мышленіе дало естествознанію еще и положительныя цѣнныя мысли, какъ, напримѣръ, разнаго рода идеи самосохраненія (Erhaltungsideen). Философъ, съ своей стороны, получаетъ отъ спеціальнаго изслѣдователя болѣе солидныя основы (Grundlagen), чѣмъ тѣ, какія ему могло бы дать вульгарное мышленіе. Для философа естествознаніе является образцомъ осторожнаго, прочнаго и богатаго результатами научнаго строительства, и даже изъ самой чрезмѣрной односторонности естествоиспытателя философъ извлекаетъ полезные уроки. Дѣйствительно, каждый философъ имѣетъ для своего обихода свое собственное естествознаніе—точно такъ же, какъ и каждый естествоиспытатель имѣетъ свою собственную философію. Но только эти „собственныя“ науки по большей части бываютъ отсталыми. Лишь крайне рѣдко можетъ

признать естествоиспытатель естествознаніе философа, когда и поскольку оно проявляется у послѣдняго. И обратно, огромное большинство естествоиспытателей нашего времени придерживаются въ философіи устарѣвшаго на полтораста лѣтъ матеріализма, недостаточность котораго уже давно замѣчена не только спеціалистами-философами, но и всѣми вообще людьми, не слишкомъ далеко стоящими отъ философскаго мышленія"...

Нельзя лучше выразить той мысли, на которой я настаиваю: необходимости совмѣстной работы и частичнаго взаимопроникновенія спеціальныхъ наукъ и философіи. И мнѣ кажется, что этотъ принципъ долженъ былъ бы стать прямо девизомъ не только современной философіи, какъ науки, но и современнаго философскаго образованія.

XI.

Исходя изъ приведенныхъ соображеній, я обратился къ моимъ товарищамъ, профессорамъ и приватъ-доцентамъ Казанскаго университета, съ просьбой высказаться по вопросу объ организаціи философской группы на предложенныхъ мною основаніяхъ. Въ обсужденіи вопроса приняли участіе А. В. Васильевъ, А. Д. Гуляевъ, Д. И. Зейлигеръ, А. П. Котельниковъ, А. М. Мироновъ, В. И. Осиповъ, И. И. Парфентьевъ, В. К. Пискорскій, прот. А. В. Смирновъ, М. М. Хвостовъ, И. И. Ягодинскій и А. В. Ѳаворскій [1]).

Представители физико-математическаго факультета единогласно признали, что въ области ихъ спеціальности такого рода курсы по научной философіи и возможны, и желательны. Само собою разумѣется однако, что курсы, требуемые такимъ планомъ философской группы, должны быть совершенно иными сравнительно съ тѣми, какіе читаются студентамъ физико-математическаго факультета: въ нихъ должно быть меньше фактическихъ деталей и спеціально-техническаго элемента; напротивъ, на первый планъ должны быть выдвинуты вопросы обще-критическаго и научно-историческаго характера. Въ необходимости вырабатывать заново такіе курсы лежитъ, несомнѣнно, одна изъ трудностей введенія этой системы преподаванія. Однако,

[1]) Хотя я стараюсь возможно точнѣе передать (съ разрѣшенія участниковъ совѣщанія) содержаніе высказанныхъ ими мнѣній, тѣмъ не менѣе отвѣтственность за ихъ формулировку лежитъ всецѣло на мнѣ. Отмѣчу еще, что общая схема 3 секціи философской группы не подвергалась обсужденію въ совѣщаніи, о которомъ я говорю.

съ теченіемъ времени, можно надѣяться, такого рода курсовъ будетъ выработано достаточное количество,—разъ на нихъ явится спросъ.

Въ частности спеціалистами были намѣчены, какъ особенно важные и существенные, слѣдующіе курсы:

1. По *философіи чистой математики:*

   а) философія числа,
   б) философія безконечнаго (б. малаго и б. большого),
   в) философія математическаго метода,
   г) философская теорія статистическаго метода,
   д) философія геометріи.

2. По *философіи механическаго естествознанія:*

   а) исторія и критика основныхъ понятій механики,
   б) исторія и критика основныхъ понятій физики,
   в) исторія и критика основныхъ понятій химіи,
   г) исторія космологическихъ теорій.

Каждый изъ этихъ курсовъ, при двухчасовой недѣльной нормѣ, могъ бы, повидимому, дать въ теченіе двухъ полугодій достаточно свѣдѣній для первоначальной оріентировки въ данной области познанія. Исходя изъ свѣдѣній и навыковъ, пріобрѣтенныхъ при слушаніи и изученіи такого курса, можно было бы дальнѣйшую работу въ данной области, поскольку въ ней будетъ надобность и интересъ, предоставить самостоятельнымъ занятіямъ слушателей.

Въ области *философіи наукъ біологическихъ* опредѣленныя темы отдѣльныхъ курсовъ не были указаны. Въ этотъ отдѣлъ должны войти, конечно, исторія и критика такихъ понятій, какъ организмъ, органъ, жизненная функція, біологическій механизмъ, витализмъ, эволюціонизмъ и т. п. и общій обзоръ исторіи ученія объ эволюціи органическихъ формъ.

Для *секціи философіи общественности* (или *культуры*) были заявлены слѣдующіе курсы: по *философіи исторіи:* а) курсъ „теоріи и методологіи исторіи", б) курсъ „исторіи философіи исторіи". Затѣмъ, безъ ближайшей детализаціи были указаны, какъ могущіе входить въ составъ этой секціи, курсы философіи (и исторіи философіи) права, этики, философіи и исторіи религій.

Сводя все вышеизложенное, я предложилъ бы приблизительно слѣдующую таблицу курсовъ трехъ „секцій" философской группы. Размѣръ каждаго курса принятъ нами, въ среднемъ, тотъ же, какой принятъ и въ московскомъ планѣ: только вмѣсто 4 полугодичныхъ

часовъ мы берем 2 годичныхъ—въ виду того, что чтеніе полугодичныхъ курсовъ встрѣчаетъ часто практическія затрудненія.

Группа философскихъ наукъ.

I. Пропедевтическіе курсы:

1. Логика (общій курсъ).
2. Психологія (общій курсъ).
3. Введеніе въ философію.
4. Общее языковѣдѣніе.
5. Греческіе авторы (Платонъ, Аристотель).
6. Латинскіе авторы (Цицеронъ, Лукрецій).

II. Основные курсы:

A. Секція психологіи.

1. Основы анатоміи и физіологіи человѣка (особенно нервной системы и органовъ чувствъ).

2 и 3. Два спеціальныхъ курса психологіи (напр., физіологическая психологія, или патологическая, или индивидуальная, коллективная, исторія психологіи и т. п.).

4. Эстетика экспериментальная (или исторія эстетическихъ ученій).

B. Секція философіи наукъ о природѣ.

1. Спеціальный курсъ логики (напр. математическая логика, логика наукъ, исторія логики и т. п.).
2. Одинъ курсъ изъ области философіи математическихъ наукъ.
3. Одинъ курсъ изъ области философіи механическаго естествознанія.
4. Одинъ курсъ изъ области философіи наукъ біологическихъ.

C. Секція философіи общественныхъ наукъ.

1 и 2. Два курса изъ области „философіи исторіи“ и „философіи права“ (съ исторіей философіи права).

3. Одинъ курсъ изъ области этики.

4. Одинъ курсъ по философіи религіи (или исторіи религій).

Для всѣхъ секцій:

5. Теорія познанія.

6 и 7. Исторія древней и средневѣковой философіи (Востокъ, Греція, Александрія, Римъ, патристика, схоластика: христіанская, арабская и еврейская).

8. Исторія новой философіи.

9. Исторія новѣйшей философіи.

III. Семинаріи:

10 часовъ семинарскихъ занятій по философскимъ наукамъ, распредѣляемые на 4 года университетскаго курса между отдѣльными

группами въ зависимости отъ личнаго состава преподавателей и другихъ условій.

IV. Вспомогательные курсы:

1. *Либо* 32 часа (въ 4 года) лекцій и практическихъ занятій по *исторіи* (всеобщей и русской).

2. *Либо* 32 часа (въ 4 года) лекцій и практическихъ занятій по *русскому языку* и *литературамъ* (иностраннымъ и русской).

3. Для лицъ, не имѣющихъ въ виду учительской профессіи, лекціи и практическія занятія по собственному ихъ выбору изъ всѣхъ предметовъ историко-филологическаго, а отчасти и другихъ факультетовъ.

XII.

Въ такихъ приблизительно чертахъ представляется мнѣ организація философской группы съ тремя секціями.

Однако, очевидно, что устройство такой широкой „трехсекціонной" философской группы есть дѣло будущаго: при современномъ количествѣ нашихъ ученыхъ силъ, дай Богъ, если можно будетъ устроить во всѣхъ университетахъ единую, недифференцированную „философскую" группу. И какъ я уже говорилъ, сами авторы московскаго плана, указавъ желательный, трехсекціонный составъ философской группы, заявляютъ, что на 1906—1907 учебный годъ эта группа могла получить лишь частичное осуществленіе, преимущественно въ составѣ секціи исторіи философіи.

Въ Казанскомъ университетѣ, въ виду единогласно признанной необходимости имѣть въ составѣ факультета столь важную группу, какъ философская, было рѣшено организовать таковую, какъ только вопросъ будетъ достаточно разработанъ и станетъ очевидной практическая возможность ея осуществленія.

Несомнѣнно, что въ Казанскомъ университетѣ нечего и думать объ устройствѣ полной, трехсекціонной „философской" группы. Малочисленность преподавательскаго персонала, значительная часть силъ котораго отнята къ тому же чтеніемъ обязательныхъ для всѣхъ студентовъ историко-филологическаго факультета „пропедевтическихъ" курсовъ (логики, психологіи, введенія въ философію); необходимость переработки всѣхъ читаемыхъ курсовъ (въ смыслѣ расширенія и углубленія ихъ) для приспособленія преподаванія къ требованіямъ „предметной системы" и составленія цѣлаго ряда совершенно новыхъ, ранѣе не читавшихся курсовъ; необходимость—при „предметной си-

стемѣ"—вести въ большомъ сравнительно количествѣ практическія занятія; относительная многочисленность студентовъ-филологовъ (въ Казанскомъ университетѣ въ 1906—1907 учебномъ году ихъ было 300 съ лишкомъ вмѣсто прежнихъ 70—80),—все это заставляетъ лишь осторожно и съ большой постепенностью вводить проектируемую реформу преподаванія философскихъ наукъ.

Поэтому на ближайшіе годы можно было образовать въ Казанскомъ университетѣ лишь единую, недифференцированную „философскую группу", которая охватывала бы по возможности все важнѣйшее и практически, при данныхъ условіяхъ, выполнимое изъ плана болѣе широкой, трехсекціонной группы. Тогда составъ преподаванія на этой группѣ могъ бы быть установленъ приблизительно въ такомъ видѣ:

Шесть *пропедевтическихъ курсовъ* (какъ они были перечислены выше въ нашей таблицѣ)—12 годовыхъ часовъ.

Основные курсы:

1)	Основы анатоміи и физіологіи человѣка (преимущественно нервной системы и органовъ чувствъ)	2 часа.
2)	Психологія (одинъ изъ спеціальныхъ курсовъ)	2 „
3)	Эстетика (исторія эстетическихъ ученій или психологія изящнаго)	2 „
4)	Теорія познанія	2 „
5)	Одинъ курсъ изъ области философіи математики . . .	2 „
6)	Одинъ курсъ изъ области философскаго механическаго естествознанія	2 „
7)	Одинъ годовой курсъ (или 2 курса полугодовыхъ, если будутъ таковые) изъ области „философіи общественныхъ наукъ" (теорія и методологія исторіи, исторія философіи, исторія философскаго права)—въ общемъ . .	2 „
8)	Этика (теоретическій анализъ и историческій очеркъ) .	2 „
9)	Курсъ „философіи религіи" или исторіи религій	2 „
10)	Исторія древней философіи	2 „
11)	Исторія новой философіи	2 „
		22 часа.

Семинаріи по философіи: 6 часовъ въ теченіе четырехгодичнаго курса (напр., 2 часа по исторіи древней философіи, 2 часа—по исторіи новой философіи и 2 часа по психологіи или по другой наукѣ философской группы).

Вспомогательные курсы: 32 часа лекцій и практическихъ занятій (въ теченіе 4-годичнаго курса) по исторіи или словеснымъ предметамъ, или безъ ограниченія, по выбору студента —такъ, какъ указано въ приведенной выше таблицѣ трехсекціонной философской группы.

Всего 72 часа въ 4 года, т. е. по 18 часовъ въ каждый годъ (и каждое полугодіе).

Планъ этотъ, конечно, примѣрный, и быть можетъ, на практикѣ пришлось бы сдѣлать отъ него отступленія. Напримѣръ, оказалось бы возможнымъ ввести большее количество практическихъ занятій или курсовъ по философіи математики или механическаго естествознанія или курсъ по философіи наукъ біологическихъ (мы такого курса вовсе не включили въ планъ въ виду особенной трудности какъ составленія такого рода курсовъ, такъ и пріисканія для нихъ лекторовъ). За то, съ другой стороны, можетъ быть, на первые годы не состоялся бы курсъ „теоріи познанія": эта дисциплина до сихъ поръ отдѣльно не преподавалась, и выработка по ней курса можетъ представить значительныя трудности; между тѣмъ извѣстныя свѣдѣнія по теоріи познанія даются уже въ курсахъ введенія въ философію и исторіи философіи. Точно такъ же могло бы не найтись лектора для спеціальныхъ курсовъ психологіи, для эстетики, этики и т. д. Однако, все это были бы варіаціи въ опредѣленныхъ предѣлахъ, которыя не нарушили бы общихъ рамокъ нашей схемы.

Таковы основныя черты, въ которыхъ намъ рисуется желательная реформа преподаванія философскихъ наукъ въ университетахъ. Только подобная реформа можетъ удовлетворить той потребности въ расширеніи и углубленіи преподаваемаго, какая обусловливается ростомъ этой области знанія и необходимостью оживить преподаваніе философіи, сблизить его съ изученіемъ философіи наукъ и человѣческой культуры, ввести студента въ широкій міръ природы, человѣческой мысли и общественности.

XIII.

Я не вхожу въ обсужденіе другихъ вопросовъ, связанныхъ съ организаціей преподаванія философіи на новыхъ началахъ. Однимъ изъ такихъ вопросовъ является отношеніе философской группы къ существующей факультетской организаціи преподаванія. Этотъ вопросъ распадается собственно на два:

1) какъ установить связность и единство внутри философской группы? какъ объединить усилія и трудъ преподавателей, ближай-

шимъ образомъ заинтересованныхъ въ успѣхѣ преподаванія философіи?

2) какія отношенія установить историко-филологическому факультету къ тѣмъ изъ преподавателей философскихъ дисциплинъ, которые будутъ принадлежать къ составу другихъ факультетовъ?

Иначе говоря, это будутъ вопросы: внутри-факультетскій и между-факультетскій.

Что касается до перваго, то неотступныя потребности практики требуютъ созданія извѣстной внѣшней формы для подготовки и веденія преподаванія по „предметнымъ группамъ". И сейчасъ уже представители наукъ, центральныхъ для каждой группы, собираются отдѣльно отъ факультетскихъ собраній, подготовляя тѣ предложенія, которыя они потомъ вносятъ въ факультеты.

И пока „предметная система" не укрѣпилась, пока у насъ не создались болѣе широкіе кадры преподавателей, организація „группъ" можетъ остаться въ видѣ такихъ частныхъ, неоформленныхъ кружковъ.

Когда же научное преподаваніе у насъ достигнетъ надлежащей полноты и широты, несомнѣнно, жизнь выдвинетъ вопросъ объ организаціи, въ предѣлахъ факультетовъ, болѣе мелкихъ соединеній—„группъ"—съ опредѣленной, спеціальной компетенціей частію рѣшающаго, частію подготовительнаго къ факультетскимъ собраніямъ характера. За границей уже есть образцы такого рода автономныхъ „группъ" хотя бы въ видѣ той Sage School of Philosophy въ Корнельскомъ университетѣ, о которой было сказано выше.

Что же касается до „между-факультетскаго" вопроса, то я вполнѣ согласенъ въ этомъ пунктѣ съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ статьѣ „Мысли о реформѣ университетскаго учебнаго строя" проф. М. М. Покровскимъ. Дѣйствительно, не въ одномъ, такъ сказать, мѣстѣ живая ткань человѣческой мысли, живое тѣло науки разорвано факультетской организаціей, выросшей въ старое время изъ *тогдашнихъ* потребностей практической дѣятельности. Поэтому, не слѣдуетъ бояться перехожденія взаимныхъ границъ факультетами самого по себѣ. Напротивъ, надо привѣтствовать его тамъ, гдѣ оно имѣетъ за себя достаточныя основанія во внутренней связи наукъ. Въ какихъ конкретныхъ формахъ можетъ это осуществиться, этого я, конечно, не могу предвидѣть. Быть можетъ, сначала историко-филологическіе факультеты будутъ просто приглашать для чтенія курсовъ по нѣкоторымъ изъ требуемыхъ „предметнымъ планомъ преподаванія" дисциплинамъ

профессоровъ и приватъ-доцентовъ, принадлежащихъ къ другимъ факультетамъ [1]). Впослѣдствіи же создастся, быть можетъ, контингентъ профессоровъ и преподавателей, спеціально подготовленныхъ для такой между-факультетской функціи — прохожденіемъ ли курса двухъ факультетовъ или просто широтою ихъ штудій.

Замѣчу, что за границей нерѣдко уже практикуется первый изъ этихъ путей. Такъ, во Франціи, гдѣ особенно процвѣтаетъ патологическая психологія, считается, sit venia verbo, особымъ шикомъ для психолога прохожденіе курса двухъ факультетовъ: словеснаго и медицинскаго. И нѣсколько профессоровъ психологіи (Пьеръ Жане — въ Collège de France, Ж. Дюма — въ Сорбоннѣ) уже обладаютъ такой подготовкой. И вотъ, если бы и у насъ создался такъ или иначе кругъ ученыхъ, обладающихъ болѣе широкой компетенціей, факультеты могли бы выбирать прямо профессоровъ въ свой составъ изъ среды такихъ ученыхъ.

Здѣсь мы, какъ и во многихъ другихъ пунктахъ нашей статьи, возвращаемся все къ тому же вопросу о количествѣ ученыхъ силъ, которыми могутъ располагать наши университеты.

Въ заключеніе я сведу основныя черты сказаннаго выше въ формѣ слѣдующихъ тезисовъ:

1) „Предметная система учебнаго плана“ есть необходимый ближайшій шагъ въ процессѣ спеціализаціи и углубленія научнаго образованія на историко-филологическихъ факультетахъ. Поэтому желателенъ переходъ къ этой системѣ.

2) Одною изъ „предметныхъ группъ“ на историко-филологическихъ факультетахъ должна быть группа философская.

3) Въ случаѣ наличности значительнаго количества преподавательскихъ силъ, желательно устройство, въ предѣлахъ этой группы, трехъ секцій: 1) психологіи, 2) философіи наукъ о природѣ и 3) философіи наукъ объ обществѣ и культурѣ.

4) Матеріалъ, преподаваемый на философской группѣ (и на каждой изъ ея секцій), долженъ быть внутренно связнымъ, а именно: 1) въ немъ вездѣ должна быть проведена аналитико-философская (познава-

[1]) Въ Московскомъ университетѣ такой порядокъ практикуется уже и сейчасъ. А именно, въ Обозрѣніи преподаванія на ист.-фил. фак. въ $190^7/_8$ уч. году мы находимъ прив.-доц. *физико-математическаго* факультета А. А. Ивановскаго, читающаго землевѣдѣніе, и прив.-доц. *медицинскаго* фак. С. А. Суханова, читающаго патологическую психологію и ведущаго практическія занятія по этой наукѣ съ демонстраціей больныхъ.

тельно-методологическая) точка зрѣнія, 2) все преподаваніе должно объединяться философской теоріей познанія и исторіей философіи и науки.

5) „Вспомогательные курсы“ должны быть организованы такимъ образомъ, чтобы они не только расширяли познанія студента, но и готовили его къ будущей практической дѣятельности, въ качествѣ преподавателя исторіи или словесности.

6) Курсы по теоретической и исторической педагогикѣ не слѣдуетъ вводить въ составъ психологической секціи; они должны быть (въ извѣстномъ объемѣ) обязательны или желательны для всѣхъ студентовъ, разсчитывающихъ впослѣдствіи быть преподавателями. Въ случаѣ обилія въ томъ или другомъ университетѣ преподавателей педагогическихъ дисциплинъ, лучше образовать особую педагогическую группу, отдѣльно отъ философской.

7) Для введенія „предметной системы“ необходима наличность достаточнаго количества преподавательскаго персонала [1]).

Было бы желательно, мнѣ кажется, чтобы и другіе спеціалисты по философіи высказались по вопросу объ организаціи ея преподаванія въ университетахъ въ связи съ введеніемъ предметной системы. Такой обмѣнъ мнѣній и взаимная критика предупредили бы нѣкоторыя ошибки, возможныя въ новомъ дѣлѣ.

Необходимо также, чтобы преподаватели высказались и относительно того, въ какой формѣ вопросъ этотъ практически рѣшается въ различныхъ университетахъ и какіе результаты будутъ получаться при первыхъ попыткахъ этой реформы.

P. S. Въ настоящемъ, отдѣльномъ изданіи статьи я хочу прибавить нѣсколько замѣчаній, которыхъ мнѣ не пришлось ввести въ ея первоначальный текстъ.

Когда я писалъ статью, у меня еще не было подъ руками того „Заявленія, внесеннаго группой студентовъ въ совѣтъ профессоровъ С.-Петербургскаго университета“, которое опубликовано въ май-іюнь-

[1]) Въ виду большой важности расширенія кадровъ преподавательскихъ силъ нельзя не привѣтствовать прекраснаго почина историко-филологическаго факультета Московскаго университета, пополняющаго свой персоналъ „сторонними преподавателями“, изъ лицъ, не имѣющихъ правъ преподаванія въ университетѣ, каковыхъ въ обозрѣніи преподаванія на $190^7/_8$ уч. годъ помѣщено трое. Всѣ они ведутъ просеминаріи „подъ руководствомъ профессоровъ“: г. Грузинскій—подъ руковод. проф. Сперанскаго, гг. Кончаловскій и Протопоповъ — подъ руковод. проф. Виппера. Намъ примѣръ этотъ кажется какъ нельзя болѣе достойнымъ подражанія.

ской книжкѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“ (стр. 381 — 390). Теперь я могу высказаться также и относительно этого проекта.

„Заявленіе“ состоитъ изъ „резолюціи“ и „объяснительной записки“. „Собраніе студентовъ С.-Петербургскаго университета, состоявшееся 28-го марта 1907 г., постановило (читаемъ мы въ резолюціи): Признавая современную постановку изученія психологіи въ русскихъ университетахъ вообще, а въ С.-Петербургскомъ въ частности, неудовлетворительной, высказаться: 1) за желательность расширенія преподаванія психологіи въ университетѣ, 2) за необходимость дать возможность студентамъ, желающимъ сосредоточить свои силы на изученіи психологіи, свободно выбрать желаемый циклъ наукъ (образованіемъ при историко-филологическомъ или естественномъ факультетѣ психологической группы...)“.

Въ „объяснительной запискѣ“ указывается на значеніе психологіи для педагогики, медицины, криминалистики, общей теоріи права, исторіи, философіи... Такое значеніе психологіи дѣлаетъ „вполнѣ законнымъ и обоснованнымъ стремленіе группы студентовъ отдаться спеціально изученію психологической науки... Это стремленіе тщетно (?!) разбивается о крайнюю неудовлетворительность преподаванія психологіи въ русскихъ университетахъ“.

И въ дальнѣйшемъ „объяснительная записка“ [1]) предлагаетъ такой планъ преподаванія на спеціальной „психологической“ группѣ. Въ него должны входить:

1) общая психологія (съ исторіей психологіи) и экспериментальная психологія,

2) физіологія съ анатоміей и гистологіей,

3) физика,

4) химія,

5) біологія,

6) сравнительная психологія животныхъ,

7) психопатологія,

8) общія основы математическаго метода,

9) логика,

10) сравнительная психологія; психологія массъ и психологія дѣтскаго возраста,

---

[1]) На собраніи, выработавшемъ резолюцію и объяснительную записку, кромѣ студентовъ, присутствовали профессора: Бодуэнъ-де-Куртенэ и Н. Е. Введенскій и привать-доценты: академикъ Лаппо-Данилевскій, Н. О. Лосскій, Н. Я. Розенбахъ, А. П. Нечаевъ, П. И. Вознесенскій и В. Н. Сперанскій.

11) педагогика и исторія педагогики,

12) сравнительное языкознаніе,

13) исторія искусствъ,

14) общая теорія права,

15) исторія философіи.

„Вопросъ о томъ, причислить психологическую группу къ историко-филологическому или къ естественному факультету,—вопросъ формальный и по существу неважный", по мнѣнію составителей „объяснительной записки".

Таково существенное содержаніе „заявленія". Оно вызываетъ на кой-какія замѣчанія, которыя мы и позволили себѣ здѣсь высказать.

Прежде всего, существенное значеніе для характеристики позиціи авторовъ „заявленія" имѣетъ то, что для нихъ безразлично, въ составъ какого факультета—историко-филологическаго или „естественнаго"—будетъ входить проектируемая „психологическая" группа.

Между тѣмъ, это вопросъ не маловажный: не все равно, куда пристроить психологію... Не считая себя компетентнымъ сдѣлать полную характеристику методологическихъ принциповъ современнаго естествознанія, какъ они представлены въ практикѣ „естественныхъ" факультетовъ, мы можемъ попытаться характеризовать научные принципы факультета историко-филологическаго. Мы не ошибемся, сказавъ, что такими принципами являются: 1) принципъ философскаго *скепсиса*—того постоянно живого и дѣятельнаго сомнѣнія, которое составляетъ движущую силу всякаго критицизма; этотъ скепсисъ является однимъ изъ условій сознательнаго отношенія къ изучаемымъ проблемамъ,—въ силу его же всякая данная теорія признается лишь „относительной" истиной; 2) принципы *эволюціи* и *историзма*—постояннаго и закономѣрнаго измѣненія изучаемаго, при чемъ каждая новая стадія въ процессѣ *не обезцѣниваетъ*, не уничтожаетъ значенія всѣхъ предыдущихъ его фазисовъ: для историка (а всякій „историко-филологъ" есть прежде всего *историкъ*) имѣетъ значеніе *весь* эволюціонный процессъ, какъ цѣлое. Въ силу этого для него, съ одной стороны, „настоящее", „сегодняшній день" никогда не есть послѣдняя инстанція въ вопросахъ истины или цѣнности (всякая теорія, всякая истина „предпослѣдняя"), а съ другой—для него никогда не теряетъ значенія и прошлое, въ основѣ котораго лежатъ тѣ же общіе законы и которое составляетъ закономѣрную стадію процесса, какъ цѣлаго; 3) въ силу этого „историкъ" есть по преимуществу *хранитель культуры*; дѣй-

ствительно, „настоящее“ есть лишь одинъ моментъ, „будущее“ есть лишь наше построеніе,—главное же богатство человѣческой культуры лежитъ въ прошломъ, изученіе и пониманіе котораго какъ разъ и составляетъ задачу историка; 4) историко-филологъ на каждомъ шагу изучаетъ *сознаніе*, анализируетъ и расчленяетъ его на элементы, отыскиваетъ генезисъ сложныхъ его состояній изъ простыхъ, вскрываетъ его законы, слѣдитъ за его проявленіями въ общественной жизни, въ искусствѣ, литературѣ, религіи и т. д... Очевидно, что изученіе сознанія находится какъ разъ въ тѣснѣйшей связи съ историко-эволюціоннымъ и историко-культурнымъ элементами „гуманитарныхъ“ наукъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ вещей во вселенной одно только сознаніе реализируетъ „прошедшее“. Вѣдь помимо сознанія нѣтъ прошлаго; вѣдь въ *настоящемъ* мамонты, напримѣръ, стоятъ замороженными во льдахъ Сибири, и только наше сознаніе закономѣрно проецируетъ этотъ фактъ въ *прошлое* и говоритъ, что „мамонты тогда-то, тамъ-то и такъ-то *жили*“. Какой смыслъ имѣетъ всякое прошедшее время глагола, помимо сознанія?... Время есть одна изъ функцій сознанія, одно изъ его „естественныхъ чудесъ“...

На эту тему можно было бы очень многое еще сказать. Намъ достаточно того, что именно „гуманитарныя“ науки стоятъ на почвѣ принциповъ философскаго скепсиса и критики, историзма и эволюціи, культуры и сознанія. А потому для насъ представляется несомнѣннымъ, что только въ связи съ этими науками можно вполнѣ плодотворно изучать психологію,—иначе говоря, ей мѣсто на историко-филологическомъ факультетѣ... Само собой разумѣется, что эти принципіальныя соображенія отнюдь не затрогиваютъ существующихъ *фактическихъ* недостатковъ постановки изученія психологіи на этихъ факультетахъ.

Второй интересный пунктъ въ „заявленіи“—это вопросъ объ отношеніи между психологіей и философіей. „Безспорно, говорятъ авторы объяснительной записки, завершеніемъ психологическаго образованія должно быть образованіе философское. Не смотря на то, что въ настоящее время психологія стала вполнѣ самостоятельной наукой и не можетъ разсматриваться только какъ одна изъ философскихъ дисциплинъ,—не смотря на это, психологъ долженъ изучать *исторію философіи*, потому что психологія въ прошломъ неразрывно связана съ философіей“.

Итакъ, во-первыхъ, хотя въ прошломъ психологія и была связана съ философіей, но въ настоящемъ она составляетъ вполнѣ самостоя-

тельную науку; во-вторыхъ, философское образованіе есть завершеніе психологическаго.

Оба эти тезиса представляются намъ ошибочными: психологія и *сейчасъ* связана съ философіей; философское образованіе есть не завершеніе, а *предпосылка*, *основа* психологическаго.

Дѣйствительно, возьмемъ любое основное психологическое понятіе: сознаніе, умъ, волю и т. д. Можно ли начать съ любымъ изъ этихъ понятій оперировать въ какой хотите психологіи (экспериментальной или не-экспериментальной), если вы раньше не сдѣлаете ихъ критическаго анализа, если (за отсутствіемъ здѣсь „послѣдняго слова науки", которое рѣшило бы вопросъ) вы не переберете важнѣйшихъ опредѣленій этихъ понятій, дававшихся въ исторіи человѣческой мысли,— мало того, если вы не представите этихъ важнѣйшихъ, историческихъ опредѣленій *и вашего собственнаго* (всегда памятуя, что даже и оно не есть что либо окончательное, абсолютное) въ видѣ звеньевъ нѣкоторой закономѣрной, обладающей внутренней связностью эволюціонной цѣпи?...

И такъ во всемъ... Настоящая психологія можетъ быть основана только на базисѣ философской критики и исторіи человѣческаго мышленія... Т. е., другими словами, психологія и сейчасъ связана съ философской критикой и съ исторіей философіи, составляющими предпосылки самой „современной" психологіи.

Переходя къ „перечню наукъ, необходимыхъ для спеціалиста-психолога", мы не можемъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія его пестроты и случайности. Вводить въ подготовку психолога изученіе физики и химіи на равныхъ правахъ съ психологіей значитъ идти слишкомъ далеко; почему тогда не пойти еще глубже и не взять механику? Точно такъ же врядъ ли слѣдуетъ изучать „біологію" въ ея цѣломъ: это только загромоздитъ память массой фактовъ, не относящихся къ психологіи. Вполнѣ достаточно нѣсколькихъ отдѣловъ біологіи, имѣющихъ болѣе философскій характеръ и болѣе прямое отношеніе къ психологіи (къ числу этихъ отдѣловъ слѣдуетъ отнести и психологію животныхъ).

Не ясно далѣе, зачѣмъ среди всѣхъ этихъ теоретическихъ наукъ стоитъ одна практическая—педагогика (съ ея исторіей). Точно такъ же трудно объяснить, почему въ спискѣ фигурируетъ исторія искусствъ и нѣтъ ни общей исторіи, ни исторіи литературы, ни другихъ историческихъ дисциплинъ. Психопатологія слишкомъ тѣсно связана съ науками медицинскими, чтобы ее можно было изучать безъ нихъ;

другое дѣло „патологическая психологія“... Обрывкомъ стоятъ и „общія основы математическаго метода“, имѣющаго у авторовъ записки одно лишь *прикладное* значеніе („благодаря многократному повторенію опытовъ, экспериментальная психологія пріобрѣтаетъ богатый матеріалъ, поддающійся статистической обработкѣ, которая устраняетъ случайность и ошибочность отдѣльныхъ наблюденій. Такимъ образомъ, при изученіи современной психологіи является необходимымъ знаніе *основъ математическаго метода*“). „Общая теорія права“—дисциплина очень шаткая и невыработавшаяся—отнюдь не можетъ дать надлежащаго понятія объ общественномъ процессѣ въ его цѣломъ, объ элементахъ общества, о законахъ его эволюціи и т. д.

Такимъ образомъ, учебный планъ „объяснительной записки“ не вводитъ „психолога“ надлежащимъ образомъ ни въ философію, ни въ соціологію, ни въ исторію, ни даже въ математическія науки, въ высшей степени цѣнныя именно въ общеобразовательномъ, гносеологическомъ отношеніи. Весь этотъ планъ стоитъ на базисѣ „естествознанія“, понимаемаго въ ходячемъ, не-философскомъ смыслѣ этого термина.

„Заявленіе, внесенное группой студентовъ и т. д.“ глубоко право въ томъ, что „постановка изученія психологіи въ русскихъ университетахъ неудовлетворительна“ и требуетъ расширенія. Но средства, предлагаемыя „объяснительной запиской“, односторонни и недостаточны. Изъ-за естественныхъ наукъ (конечно, также очень цѣнныхъ для психологіи) не слѣдуетъ забывать необъятнаго культурно-историческаго матеріала: послѣдній долженъ быть въ самой полной мѣрѣ использованъ психологіей.

Въ смыслѣ такого использованія должны быть переработаны и обычные курсы психологіи, какъ на это справедливо указывалъ въ частномъ разговорѣ мой глубокоуважаемый товарищъ И. И. Лапшинъ (я позволяю себѣ надѣяться, что онъ въ той или иной формѣ подѣлится своими соображеніями на этотъ счетъ).

Резюмируя замѣчанія, сдѣланныя нами по поводу „заявленія“, мы можемъ сказать, что его авторы оттѣснили на совершенно второй планъ не только элементы философскій и культурно-историческій, но и математику ввели, лишь въ качествѣ руководства для подсчета „опытовъ“. „Опыты“—вотъ альфа и омега „заявленія“... Однако, какіе же это опыты? Что такое вообще „опытъ“ и „опыты“? И эти опыты суть ли опыты надъ физикой или надъ психикой, надъ сознаніемъ или надъ безсознательнымъ, и т. д., и т. д.? Да и не узокъ ли

слишкомъ для величественнаго зданія психологіи базисъ „опытовъ", *реально* переживаемыхъ личностью даннаго экспериментатора? не шире ли во много разъ этихъ „опытовъ" коллективный „опытъ" человѣчества, воплощенный въ его исторіи, поэзіи, искусствѣ, религіи, правѣ, учрежденіяхъ? И не слѣдовало ли бы быть нѣсколько больше „историко-филологами", что вовсе не мѣшаетъ сохраненію всѣхъ дѣйствительно хорошихъ, *методологическихъ* привычекъ и принциповъ естествоиспытателя?..

Было бы крайне интересно выслушать мнѣнія научныхъ специалистовъ объ отношеніи между философіей и „спеціальными науками"— не тѣхъ, конечно, догматиковъ, для которыхъ все исчерпывается одною единоспасающею догмою, а тѣхъ, въ комъ не заглохла живая научная мысль, обнимающая заразъ и прошлое и настоящее и предвосхищающая будущее... У такихъ „ученыхъ" философы многому могли бы научиться.

Такимъ образомъ, „заявленіе" не рѣшаетъ, какъ намъ кажется, окончательно вопроса о желательной постановкѣ преподаванія психологіи въ нашихъ университетахъ. Учебный планъ, развитый въ „заявленіи", есть лишь одна изъ возможныхъ варіацій „психологической" группы или секціи—именно та, при которой человѣкъ сравнительно обстоятельно познакомится съ естествознаніемъ, но пройдетъ почти совсѣмъ мимо исторіи, исторіи литературъ и многихъ другихъ „гуманитарныхъ" наукъ. Конечно, онъ будетъ дѣлать „опыты", и притомъ въ столь большомъ количествѣ, что для статистической обработки ихъ потребуется знаніе „основъ математическаго метода". Однако, позволительно спросить, можно ли воспроизвести въ формѣ „опытовъ" хотя бы всю ту сложнѣйшую ткань коллективныхъ психическихъ состояній, какую пережили, положимъ, дѣятели великой французской революціи, или тѣ состоянія мыслительныя и чувственно-волевыя, съ какими писали свои сочиненія Спиноза (или Юмъ или Кантъ или Марксъ).

Не можетъ ли постановка на первый планъ однихъ „опытовъ" обѣднить изслѣдуемый матеріалъ, сосредоточить вниманіе лишь на одной его части, а потому и сдѣлать психологію однобокой? Не опасно ли здѣсь жертвовать культурой?

Конечно, „опытъ" даетъ „идеалъ точности и доказательности"; но всякій ли „опытъ"? Не можетъ ли и среди „опытовъ" быть дѣленія на хорошіе, правильно поставленные и проанализированные и плохіе, неправильные, плохо задуманные, плохо проведенные, плохо обработанные? Быть можетъ, и среди опытовъ окажутся точные и неточ-

ные, доказательные и недоказательные... А тогда необходима особая „методика опытовъ“, и не только узко-техническая, и даже не одна логическая и логико-математическая (для статистической обработки опытовъ), но и, такъ сказать, *методика самаго существа изучаемыхъ проблемъ*, т. е. исторія и критика каждой такой проблемы, ея философскій анализъ и историко-философскій генезисъ и эволюція... Далѣе, допустимъ, что личный индивидуально производимый „опытъ“ есть дѣйствительно „идеалъ“ точности и доказательности; но не въ ущербъ ли широтѣ? А широта не ведетъ ли, въ свою очередь, и къ точности и доказательности? Человѣкъ, не умѣющій читать, живетъ только самымъ достовѣрнымъ — лично видѣннымъ; однако тотъ, кто умѣетъ читать, выше его: пусть чужой опытъ, полученный изъ чтенія, не точенъ и не доказателенъ; но его широта не только безгранично расширяетъ предѣлы личнаго „опыта“ человѣка, но и въ корнѣ мѣняетъ отношеніе человѣка къ его собственному опыту, къ лично пережитому, заставляетъ смотрѣть на этотъ, казалось бы, вполнѣ точный и доказательный „опытъ“ совсѣмъ другими глазами, совсѣмъ иначе его оцѣнивать...

Я понимаю, что я говорю, если хотите, банальности, и конечно, всякій сторонникъ „опытовъ“ все это знаетъ: не мнѣ его учить. Конечно, все это извѣстно... Но все же нѣтъ ли въ этомъ теоретически извѣстномъ и банальномъ такихъ сторонъ, которыя еще недостаточно вошли въ практику? И не представляется ли увлеченіе опытами односторонностью — очень полезной, конечно, поскольку она разрабатываетъ именно данную область, но все же не адэкватной цѣлому?

Во всякомъ случаѣ и мы не можемъ не выразить сочувствія „идейно-чистому и общественно-полезному движенію студенчества“, какъ характеризуютъ поднятый группой студентовъ вопросъ авторы „объяснительной записки“.

Вл. Ивановскій.

Мистика и схоластика XI и XII вѣковъ (Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ ред. проф. Московскаго университета П. Г. Виноградова, томъ II. стр. 688—705).

Народное образованіе и университеты въ средніе вѣка. (Тамъ же, томъ II, стр. 706—733).

Роджеръ Бэконъ. (Тамъ же, томъ IV, стр. 375—399).

Къ вопросу о самообразовательномъ движеніи. (Вопросы Фил. и Псих., 1898, № 3, стр. 206—228).

Одна изъ бурныхъ натуръ реформаціонной эпохи. Ульрихъ фонъ Гуттенъ. (Образованіе, 1898, № 9, стр. 95—110, № 11, стр. 86—100, № 12, 61—79).

Изъ исторіи просвѣщенія въ средніе вѣка. (Тамъ же, 1899, № 9, стр. 72—89; № 10, стр. 80—97; № 11, стр. 76—94).

М. М. Троицкій. Некрологъ. (Вопросы Фил. и Псих., 1899, № 2, стр. VI—XVI).

Къ вопросу объ учебномъ планѣ классическихъ гимназій. (Труды Педагогическаго общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, вып. I, стр. 63—79).

Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота. (Вопросы Фил. и Псих., 1900, № 1, стр. 1—47).

Къ характеристикѣ М. М. Троицкаго. (Вопросы Фил. и Псих., 1900, № 2, стр. 183—213).

Статьи въ „Настольномъ Энциклопедическомъ Словарѣ“ Т-ва Гранатъ по психологіи и педагогикѣ.

Движеніе къ распространенію университетскаго образованія въ Россіи. (Вѣстникъ Воспитанія, 1900, № 3, стр. 120—131; № 4, стр. 41—77).

Международный философскій конгрессъ въ Парижѣ. (Журналъ Мин. Нар. Просв., Апрѣль 1901, стр. 47—85).

Sur la possibilité d'une terminologie commune à tous les philosophes, (Revue de métaphysique et de morale, 1900, oct.): резюме сообщенія, сдѣланнаго на Международномъ философскомъ конгрессѣ въ Парижѣ.

Международная ассоціація для развитія наукъ, искусствъ и образованія. (Вѣстникъ Воспитанія, 1901, № 9, стр. 96—114).

Парижское общество для изученія психологіи дѣтей. (тамъ же, стр. 68—89).

Нѣсколько словъ о П. А. Каленовѣ. (При посмертномъ изданіи его поэмы „Будда“ и философскихъ статей. М. 1902, стр. XII—XXII).

Каѳедра педагогики въ Сорбоннѣ. (Вѣстникъ Воспитанія, 1902, № 2, стр. 71—77).

Изъ области конфессіональнаго образованія во Франціи. (Тамъ же, № 4, стр. 75—84).

Англійская Національная воскресная лига. (Тамъ же, стр. 84—91).

Практическая попытка къ принятію „международнаго вспомогательнаго языка". (Тамъ же, № 5, стр. 188—209). — Международный вспомогательный языкъ. (Тамъ же, № 8, стр. 119—122).

„Международная библіотека экспериментальной психологіи—нормальной и патологической" (Тамъ же, № 9, стр. 57—68).

Замѣчанія на нѣкоторыя слова въ *Dictionnaire Philosophique*, издаваемомъ Парижскимъ Société Française de Philosophie (въ Bulletins этого общества).

Новый французскій „сборникъ темъ" для сочиненій по педагогическимъ вопросамъ. (Вѣстникъ Воспитанія, 1903, № 1, стр. 78—86).

Англійская утопія „ образованія за отработки". (Тамъ же, № 6, стр. 91—102).

Мотивы поэзіи Н. А. Некрасова. (Вѣстникъ Знанія, 1903, № 3).

Изъ поѣздокъ по Англіи. (Тамъ же, № 8).

Что такое „позитивизмъ" и „идеализмъ"? (Правда, 1904, № 1, стр. 140—150 и № 3, 147—158).

О преподаваніи педагогики. (Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, сентябрь 1904, стр. 1—22).

Памяти И. Канта. (Извѣстія Казанскаго Физико-математическаго Общ., II серія, т. XIV, № 2, стр. 132—153).

Второй международный философскій конгрессъ въ Женевѣ (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1905 г., № 1, стр. 10—38).

А. И. Герценъ и одинъ изъ его критиковъ. (Сынъ Отечества, 3 авг. 1905 г.).

Замѣчанія на доклады, читанные на Второмъ международ. философ. конгрессѣ (въ Rapports et comptes rendus. Genève. 1905).

Студенческія общества въ Зап. Европѣ. (Вѣст. Воспит., 1906 г., № 5, стр. 141—170).

Первый Всероссійскій съѣздъ по педагогической психологіи (Жур. Мин. Нар. Просв. 1906, № 8, стр. 130—164).

Изслѣдованіе о философіи Юма (Тамъ же, № 9, стр. 191—207).

Возраженія на доклады, читанные на I Всерос. съѣздѣ по педагогической психологіи. (Въ „Трудахъ Съѣзда". Спб. 1906).

А. И. Герценъ, какъ соціалистъ. (Образованіе, 1907 г., январь, стр. 37—57 и февраль, стр. 92—116).

Предметная система въ русскихъ университетахъ (газета „Дневникъ Казани", 1906 г., №№ 33—36 и 38—40).

Цѣна 40 коп.

2007057043